This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СБ-VO LIUBIT. ROS
SLOVESN.,
"TRUDY"

КНИГА ИМЕЕТ

(17)
дефект оригинала
и
дефект переплета

3433
34

Slav 4170.8.5 (1)

ТРУДЫ
ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССІЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ,

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 15 1981
FAS 130 Photo

3433
34

МОСКВА, 1812.
Въ Университетской Типографіи.

Въ Цензурный Комитетъ слѣдующее количество сей книги доставлено.

86

Slav 4170.8.5 (1)

ТРУДЫ
ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССІЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ,

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 15 1981
FAS 130 Photo

3433
34

МОСКВА, 1812.
Въ Университетской Типографіи.

Въ Цензурный Комитетъ слѣдующее количество сей книги доставлено.

8½

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ,
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ,
АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ,
МУДРОМУ ПРОСВѢТИТЕЛЮ
ОТЕЧЕСТВА,
ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
ОБОДРЕННОЕ, ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

всеподданнѣйше посвящаетъ

начатки трудовъ своихъ.

Наблюденія и опыты, производимые надъ образующимися народами свидѣтельствуютъ, что между всѣми средствами способствовать повсемственнымъ успѣхамъ просвѣщенія, самымъ удобнымъ можетъ быть учрежденіе *Ученыхъ Обществъ*, которыя, будучи одушевляемы и руководимы творческимъ духомъ Правительства, стремятся дѣйствовать совокупными силами къ одной благородной цѣли. — Съ такимъ намѣреніемъ открыто здѣсь при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ *Общество Любителей Россійской Словесности.* —

Въ 3 § высочайше одобреннаго Устава, даннаго сему Обществу, сказано:

„Оно учреждается для того, чтобы распространить свѣденіе о правилахъ и образцахъ здравой Словесности, и доставить Публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ на Россійскомъ языкѣ, разсмотрѣн-

ныя предварительно, и прочитанныя въ Собраніи.“

Слѣдуя сему правилу, Общество Любителей Россійской Словесности старалось, сколько возможно, расположить навсегда свои занятія. — Въ виду его будутъ, съ одной стороны, наблюденія и правила, касающіяся вообще до Языка и Словесности, а съ другой — собственные опыты. — Въ томъ же порядкѣ оно издаетъ теперь и *Труды* свои. — Первая книжка Части вмѣщаетъ въ себѣ разсужденія въ прозѣ, принадлежащія къ Словеснымъ наукамъ и Исторіи отечественнаго языка, изслѣдованія словъ, сочиненія о важнѣйшихъ нравственныхъ предметахъ и проч.; также критической разборъ образцовыхъ и другихъ, заслуживающихъ вниманіе писателей; другая книжка заключаетъ сочиненія и переводы въ стихахъ, прочитанныя напередъ въ Собраніи. — Чрезъ каждые три мѣсяца издаваемо будетъ по *одной* Части. — Теперь представляется благосклонному вниманію Публики первой опытъ.

Сладостныя удовольствія, соединенныя съ Науками изящными, сами по себѣ есть уже сокровище для сердецъ просвѣщенныхъ; но оно становится еще драгоцѣннѣе, когда оживлено бываетъ святымъ чувствомъ надежды, споспѣшествовать, сколько можно, общему благу! — тогда составляетъ оно величайшую для нихъ награду.

Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не токмо обширностію мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ, великъ предъ всѣми въ Европѣ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Кто углубляется въ немъ, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море.

Ломоносовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
первой Части.

Прозаическія сочиненія.

	Стран.
Рѣчь при открытіи Общества.	3
Взглядъ на успѣхи Россійскаго витійства.	17
Разсужденіе о Россійской Словесности.	53
Заслуги Хераскова въ отечественной Словесности.	111

Стихотворенія.

Обѣты Россіянъ.	3
Кораблекрушеніе Леля.	24
Свѣтящійся Червякъ и Филинъ (баснь).	26
Солнечныя часы (баснь).	29
Ода человѣкъ.	31
Къ П. И. Голенищеву-Кутузову	40
Рогдай (баллада).	43
Ода къ дружбѣ.	47
Святославъ.	52
Подражаніе Горацію.	58

ПРОЗАИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

РѢЧЬ

ПРИ ОТКРЫТІИ ОВЩЕСТВА.

Намѣреніе сего, Высочайшимъ одобреніемъ ознаменованнаго, Общества есть то, чтобы соединенными силами способствовать успѣхамъ Отечественной Словесности, какъ главному средству къ распространенію просвѣщенія. Предметъ, достойный вниманія любящихъ благо и славу своего Отечества! Древніе Герои, древнія доблести, которыхъ Слово не возвѣстило потомству, погрузились во тьму неизвѣстности. Многочисленныя Орды Татаръ, незаренные свѣтомъ Наукъ, прешли, какъ тѣнь отъ лица земли. Сколько бы столѣтій Царства ни существовали, сколько бы ни гордились могуществомъ, завоеваніями, обширностію владѣній, но если онѣ не могли свергнуть съ себя ига невѣжества, если дѣянія ихъ не изобразились неизгладимыми чертами Слова: то имя и подвиги ихъ истребятся изъ памяти народовъ. Платоны просвѣтили Грецію, Гомеры воспѣли ея доблести, Иродо-

ты сохранили ее отъ забвенія. Творенія духовныхъ Отцовъ положили основу просвѣщенію Россіи, а Лѣтописи Нестора спасли отъ свирѣпства времени древность ея и величество.

Приступая къ симъ толико важнымъ трудамъ, отъ коихъ можетъ зависѣть нѣкоторымъ образомъ благо частное наше и общее, вознесемъ мысли и чувства къ Подателю всѣхъ благъ, и испросимъ Его благословенія на труды наши. Дадимъ священный обѣтъ Отечеству: любя безцѣнную славу его, никогда не ослабѣвать въ начинаніяхъ своихъ. Поклянемся употребить дарованное намъ слово къ прославленію имени его и подвиговъ.

Сіе Святилище Наукъ, при которомъ нынѣ учреждено Общество Словесности, отъ самаго начала всегда отличалось важными заслугами языку Россійскому. Многіе знаменитые Мужи, возвысившіе славу Отечества своими доблестями въ войнѣ и мирѣ, и обогатившіе изящную нашу Словесность, были здѣшніе воспитанники. Общее призна-

нїе, что Россїйской языкъ сталъ чище и образованнѣе съ того времени, какъ Московскїй Университетъ обратилъ на него особенное вниманїе, есть самая лестная награда для тѣхъ, кои жизнь и труды свои посвятили въ немъ на воспитанїе юношества.

При семъ Училищѣ и прежде учреждаемы были Общества для вящшихъ успѣховъ въ Россїйской Словесности. Вольное Россїйское Собранїе оставило по себѣ превосходные памятники трудовъ своихъ. Оно славилось многими знаменитыми Членами, которыхъ имена пребудутъ всегда незабвенны. Довольно воспомянуть Мелиссино и Хераскова, благодѣтельныхъ Начальниковъ Университета, и Барсова и Зыбелина, искусныхъ въ Рускомъ словѣ наставниковъ.

Питомцы Университета, слѣдуя примѣру своихъ руководителей, имѣли также свое Собранїе, *Вечерняя Заря*, *Трудолюбецъ*, *Чтенїе для сердца и разума*, *Магазинъ Натуральной Исторїи*, суть плоды полезныхъ трудовъ ихъ. Многїе Члены сего

Общества, занимая теперь важныя должности въ Государствѣ, отличаются неизмѣнно любовію къ Слову. Нѣкоторые изъ нихъ суть Члены Россійской Академіи и Петербургской Бесѣды Любителей Россійскаго Слова; другіе участвуютъ въ нынѣшнемъ Собраніи нашемъ.

Прежнія Общества, не бывъ утверждены Верховною Властію, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ прекратились. Мы можемъ питать себя пріятною надеждою, что наше Общество будетъ твердо и нерушимо. Оно основано на правилахъ Устава Университета, и одобрено Высочайшимъ соизволеніемъ. Благополучно-Царствующій Государь богатъ щедротами, изобиленъ въ способахъ къ просвѣщенію Своего народа. Нѣтъ сомнѣнія, что Любители Отечественной Словесности обратятъ на себя благоволеніе МОНАРХА-Просвѣтителя, и что Россійской языкъ, на которомъ основывается народная образованность, возрастетъ и процвѣтетъ подъ Его державою.

Каждому изъ насъ извѣстно, что Русской языкъ имѣетъ собственной свой ге-

нїй, незаимствованный отъ другихъ языковъ; имѣетъ такїя преимущества, которыми едва можетъ похвалиться другой новѣйшїй языкъ: богатъ и силенъ, величественъ и прїятенъ; въ громкихъ одахъ Ломоносова возноситъ душу; въ игривыхъ изображенїяхъ Богдановича плѣняетъ. Мы имѣемъ многихъ Витїй и Стихотворцевъ, которые, возвышая достоинство Рускаго Слова, возвыщаютъ и славу Россїянъ. Однако откровенно должны признаться, что не во всѣхъ еще родахъ краснорѣчїя можемъ представить образцовыя творенїя, какими изобилуютъ древнїе и новѣйшїе просвѣщенные народы. У насъ нѣтъ Философовъ-писателей, которые утвердили бы правильность и точность слова; нѣтъ Боало и Аддисоновъ, которые показали бы вмѣстѣ правила и образцы изящнаго вкуса.

Кинемъ взглядъ на самые главные недостатки, которые требуютъ вниманїя просвѣщенныхъ Любителей Россїйскаго Слова.

Языкъ долженъ имѣть постоянное измѣненїе словъ, правильное ихъ сочиненїе и уда-

реніе. Спрашивается: имѣемъ ли мы систе-матическую, основательную Грамматику языка? на чемъ можемъ утвердить сочине-ніе словъ? — на употребленіи и примѣрахъ? То и другое не вѣрно. Одно не подкрѣпле-но изящностію, другое постоянствомъ. На чемъ основано удареніе словъ? На Славе-нскихъ книгахъ. Иногда ихъ придержи-ваемся, иногда отъ нихъ отступаемъ. У насъ совсѣмъ нѣтъ правилъ ударенія словъ. Въ самомъ правописаніи, то слѣдуемъ обы-чаямъ, то производству словъ. Иногда отъ того и другаго уклоняемся. Ломоно-совъ выкинулъ нѣкоторыя буквы, нужныя для Славенскаго, совсѣмъ ненужныя для Рускаго языка; но есть еще лишнія и уро-дливыя, кои безобразятъ письмо и печать нашу. Для чего не пожелать намъ, чтобъ мы имѣли своихъ Дидотовъ, которые ис-правили бы и украсили книгопечатаніе?

Значенія словъ должны быть свойствен-ны и опредѣленны. Можемъ ли мы похва-литься, что знаменованія словъ у насъ ясны и точны? Сколько предметовъ, ко-торые не имѣютъ свойственныхъ, имъ

однимъ принадлежащихъ выраженій! сколько словъ, которыхъ значеніе невѣрно и неопредѣленно! Пока не обогатимъ себя разными понятіями, изъ Наукъ почерпаемыми; пока не отличимъ и не объяснимъ синонимовъ; пока не составимъ полнаго и философскаго Словаря: до тѣхъ поръ значеніе словъ будетъ непостоянно и разнообразно, до тѣхъ поръ будутъ употреблять слова безъ надлежащаго разбора.

Классическіе Писатели обогащаютъ языкъ и опредѣляютъ его свойства. До сихъ поръ у насъ по большей части учатся на иностранныхъ языкахъ, и отъ нихъ заимствуютъ слова, порядокъ, теченіе и обороты рѣчи. Удивительно ли, что слогъ нашъ отзывается иностраннымъ? Пока не будемъ имѣть на природномъ языкѣ всѣхъ учебныхъ книгъ, пока не будемъ имѣть Классиковъ-Писателей; до тѣхъ поръ будемъ чувствовать недостатокъ въ просвѣщеніи, скудость въ словахъ и несовершенство въ слогѣ.

Одни Классики не установятъ слога; нуженъ вкусъ лучшаго состоянія гражданъ.

Мы лишены и сей выгоды. Въ большомъ свѣтѣ, гдѣ вкусъ отечественной Словесности обыкновенно образуется, болѣе любятъ вести разговоры на чужемъ языкѣ, нежели на своемъ. Большая часть гражданъ высшаго состоянія, прилѣпясь къ Французскому языку, показываютъ явное презрѣніе къ своему природному. Отъ такого презрѣнія не только языкъ, но и науки, и самыя искусства страждутъ въ Россіи.

При недостаткѣ природныхъ Классиковъ, при недостаткѣ собственныхъ образцовыхъ Писателей во всѣхъ родахъ слога, мы должны заимствовать красоты оныя въ переводѣ иностранныхъ лучшихъ Писателей, особливо древнихъ. Это правило утверждается примѣрами всѣхъ образованныхъ народовъ. Къ сожалѣнію, и сіе средство во зло употреблено. Переводами Классиковъ и изящныхъ сочиненій мы скудны; а напротивъ слишкомъ богаты переводами ничтожныхъ и незаслуживающихъ чтенія книгъ, отъ которыхъ нравственность и вкусъ портятся. У насъ не рѣдко цѣнятъ книги не по достоинству ихъ,

а по вѣсу и модѣ; при томъ занимаются переводами больше молодые и неопытные люди, нежели свѣдущіе въ наукахъ и искусные въ языкѣ; больше для корысти, нежели для просвѣщенія и пользы гражданъ.

Ключъ Россійскаго языка Славенской; онъ долженъ быть для него изобильнымъ и неизсякаемымъ источникомъ. Руской языкъ имѣетъ свои достоинства, силу и красоты. Въ нынѣшнее время странно было бы требовать не только отъ свѣтскихъ, но и отъ духовныхъ, чтобъ они писали Славенскимъ нарѣчіемъ. Но богатство словъ, сильное изображеніе предметовъ, краткость и ясность слога, высокія, свыше вдохновенныя мысли, почерпнутыя въ церковныхъ книгахъ — все должно заставить насъ заниматься Славенскимъ языкомъ, и пользоваться имъ, смотря по надобности и приличію. Но какъ мало знающихъ Славенской языкъ! Иные не только не понимаютъ языка церковныхъ книгъ, но и читать ихъ не умѣютъ. Католики съ большею удобностію разбираютъ Латинскіе молитвенники, не-

жели многіе молодые дворяне церковныя книги.

Нуженъ судъ здравой Критики, чтобъ умѣть Славенскую рѣчь соединять съ Русскою; чтобъ, заимствуя красоты изъ чужихъ языковъ, не портить своего природнаго; чтобъ въ понятіяхъ и выраженіяхъ былъ точный смыслъ, вкусъ и приличіе. Имѣемъ ли мы у себя Лагарповъ, которые философски и безпристрастно разобрали бы сочиненія нашихъ Писателей, и каждому дали бы свой вѣсъ и мѣру? — Тогда, какъ во Франціи и Германіи выходятъ сотни книгъ и вѣдомостей, наполненныхъ критическими разсужденіями, мы не имѣемъ ни одного подобнаго сочиненія; мы даже не желаемъ, чтобъ насъ судили! — Ошибиться каждому сродно; а не хотѣть исправиться непростительно. Наставленія Мужей мудрыхъ столько же нужны въ литтературѣ, какъ и въ нравственности.

Изъ сего довольно видно, что мы еще не достигли совершенства въ словѣ, и не всѣ

средства, нужныя для достиженія къ тому, употребляемъ. Мы уклоняемся отъ главнаго и самаго лучшаго пособія: отъ знанія Славенскаго языка ; не имѣемъ ученыхъ книгъ, которыя обогащали бы насъ понятіями, и средствами изображать ихъ, которыя даровали бы собственность и опредѣленность слогу; мы не подкрѣплены всеобщею любовію къ языку, вкусомъ и разборчивостію лучшаго состоянія гражданъ ; не можемъ вообще похвалиться пріятными и полезными для чтенія сочиненіями, отъ которыхъ бы повсемѣстно распространялось чувство изящнаго въ народѣ ; не имѣемъ здравой, безобидной и безпристрастной критики, которая безъ оскорбленія обращала бы вниманіе наше на ошибки.

Не для того, почтенные Члены, представилъ я важнѣйшіе недостатки Словесности нашей, чтобъ умалить цѣну и достоинство Рускаго языка. Красоты его изображены въ безсмертныхъ твореніяхъ знаменитыхъ нашихъ Писателей. Языкъ нашъ имѣетъ преимущества, ему одному свойственныя: — силу и богатство, вели-

чество и пріятность. Но онъ походитъ еще нѣкоторымъ образомъ на обширное поле; которое не довольно обработано; не довольно усѣяно сѣменами Наукъ, и украшено цвѣтами Вкуса. Благоразумные Любители Слова будутъ съ ревностію воздѣлывать его, — и оно сторицею принесетъ плоды изящества и совершенства; — драгоцѣнные плоды безсмертія!

Приглашаю Васъ, почтенные Члены; именемъ Отечества, котораго слава и благо столь дороги Вашему сердцу; обратите пріятное вниманіе на отечественную Словесность. Слава и могущество народовъ возвышается Словомъ; въ немъ печать и безсмертіе Великихъ. Ваши знанія, Ваша любовь къ Россійской Словесности, Ваше благое произволеніе, способствовать ея успѣхамъ, служатъ порукою, что наше предпріятіе будетъ нетщетно, что мы достигнемъ цѣли, нами предположенной. Общество наше въ самомъ средоточіи Россіи, гдѣ издревле благо ея почіетъ, гдѣ Руское Слово — красно и велелѣпно, гдѣ добрыя начинанія всегда одушевляемы бы-

ми любовію къ Отечеству. Мы можемъ быть увѣрены; что Сыны Россіи; знаменитые заслугами и просвѣщеніемъ, ободрятъ труды наши; можемъ быть увѣрены; что Начальники здѣшняго мѣста; какъ истинные Покровители Наукъ; будутъ вмѣстѣ покровителями и учрежденнаго при ономъ Общества Отечественной Словесности.

Общество сіе обязано основаніемъ своимъ особенному попеченію и любви къ Наукамъ Вашего Превосходительства (*). Оно навсегда сохранитъ къ Вамъ свою признательность. Позвольте ему ласкать себя надеждою; что Вы, Милостивый Государь, будете всегда подкрѣплять его своими благоразумными совѣтами и извѣстною всѣмъ опытностію Вашею въ Россійской Словесности.

Примите, почтенные Члены, живѣйшую мою благодарность за то снизхожденіе, которое Вамъ угодно было оказать мнѣ избраніемъ въ Предсѣдателя Обще-

(*) Относится къ Попечителю Университета.

ства. Довѣренность Ваша для меня лестна. Усердно желаю быть ея достойнымъ. Но Вы, Милостивые Государи, большіе показали ко мнѣ вниманія, нежели сколько я заслуживаю. Признаюсь откровенно, что моихъ силъ недостанетъ исполнить возложенную на меня должность съ тѣмъ успѣхомъ, какого требуетъ важность предмета. Вы показали ко мнѣ снизхожденіе въ выборѣ; прошу быть снизходительными и къ недостаткамъ моимъ. — Любовь и усердіе къ общему благу да оживитъ и подкрѣпитъ силы наши въ столь полезномъ и важномъ предпріятіи!

А. Проколовичъ - Антонскій.

ВЗГЛЯДЪ НА УСПѢХИ РОССІЙСКАГО ВИТІЙСТВА

въ первой половинѣ истекшаго столѣтія.

Счастливымъ себя почитаю, имѣя случай присоединить слабые труды свои къ трудамъ именитѣйшихъ Любителей Россійской Словесности, въ семъ почтенномъ собраніи присутствующихъ. Общество наше, учрежденное попечительностію мудраго Начальства при Святилищѣ Наукъ древней Столицы, и уже облагодѣтельствованное Высочайшимъ одобреніемъ предначертаннаго ему Устава, нынѣ приступаетъ къ началу своихъ дѣйствій. Уставомъ возлагается на насъ обязанность распространять свѣдѣнія о правилахъ и образцахъ здравой Словесности. Да удостоится же благосклоннаго вашего вниманія слѣдующее мое краткое *Обозрѣніе успѣховъ Россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія.*

Ѣслибъ начало Россійскаго витійства сокрывалось во мракъ глубокой древности: то для объясненія онаго надлежало бы, слѣдуя Цицерону (*), обратиться къ тѣмъ отдаленнымъ, единственно силою разума постигаемымъ вѣкамъ, когда люди, скитавшіеся по дебрямъ и пустынямъ безъ обрядовъ богослужебныхъ, безъ общежительныхъ условій, безъ гражданскихъ законовъ, терпѣли взаимное насильство, и когда одинъ отличный мужъ, предусмотрѣвъ выгоды порядка, властію убѣдительнаго краснорѣчія составилъ изъ нихъ общество, возложилъ на нихъ семейственныя обязанности, изъ дикихъ содѣлалъ ихъ кроткими, принудилъ ихъ дорожить частнымъ и общимъ спокойствіемъ; надлежало бы вмѣстѣ съ Гораціемъ (**) упоминать о баснословныхъ дѣйствіяхъ Орфеева пѣнія, укротившаго свирѣпыхъ львовъ и тигровъ, о зву-

(*) Nam fuit quoddam tempus, cum in agris homines passim beftiarum modo vagabantur *et cet. Cic. de Invent. I.*

(**) Silveftres homines facer, interpresque Deorum Caedibus et victu foedo deterruit Orpheus, *et cet. Horat de art. Poet.*

кахъ Амфіоновой цитры, сооружившей Ѳивскія стѣны; надлежало бы доказывать, что вдохновенные Божествомъ первобытные мудрецы, подобно Орфею и Амфіону, силою убѣдительнаго, всѣ упорства преодолѣвающаго краснорѣчія заставили дикихъ пустынныхъ жителей принять благіе обычаи, гражданскія условія, правила семейственнаго порядка. Но почто основываться на предположеніяхъ и догадкахъ, вознамѣрившись обозрѣть ходъ искусственнаго, по правиламъ Риторики располагаемаго витійства, коего начало отдѣлено отъ насъ однимъ только столѣтіемъ? Надобно ли искать слѣдовъ обдуманнаго краснорѣчія тамъ, гдѣ невозможно быть имъ, сообразно всѣмъ удостовѣреніямъ исторической истины? Нѣтъ, и почитаю за излишнее даже входить въ изслѣдованія о состояніи витійства при Владимірѣ великомъ, когда юное Государство едва только озарилось первыми лучами книжнаго ученія, и когда *матери по дѣтяхъ своихъ*, отводимыхъ въ училища, *плакали кахъ по умершихъ* (*).

(*) Нестор. Лѣтоп. по Кенигб. сп. стр. 84.

Самые учители наши, тогдашніе Греки, при совершенномъ упадкѣ истиннаго краснорѣчія, сочиняли нескладныя поученія; ораторы ихъ были уже весьма далеки отъ тѣхъ образцовъ, которымъ подражать хотѣли; церковные Пастыри ихъ могли только удивляться вѣщаніямъ древнихъ проповѣдниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не возносился до высоты Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Іоанна Златоустаго. Весьма вѣроятно, что и въ Россіи творенія сихъ знаменитыхъ древнихъ Учителей извѣстными быть стали еще со временъ Ярослава Владимірóвича, который, собравъ многихъ писцовъ, повелѣлъ перелагать на Славянскій языкъ и переписывать многія книги, *ими же поучахуся вѣрніи людіе*, говоритъ лѣтописецъ (*). Раздѣленіе Россіи и послѣдовавшее за онымъ Татарское порабощеніе остановило первые успѣхи просвѣщенія; прекрасная заря отечественной Словесности помрачилась при самомъ своемъ началѣ. Языкъ богослужебный или книжный, Моравскими переводчиками едино-

(*) Нестор. Лѣтоп., стр. 106.

жды образованный по Греческому, яри всѣмъ богатствѣ своемъ, оставался необработаннымъ за недостаткомъ мыслящихъ писателей, которые могли бы еще далѣе распространить кругъ его, еще точнѣйшее дать опредѣленїе словамъ и содѣлать ихъ еще болѣе способными къ выраженїю умственныхъ понятїй; языкъ сей не очищался, но портился неучеными переписчиками; не было великихъ дарованїй, не было никакихъ грамматическихъ и критическихъ сочиненїй, которыя предохраняли бы цѣлость его отъ неизбѣжнаго повреждения. Замѣтимъ, что языкъ гражданскїй и общенародный всегда былъ у насъ отличнымъ отъ языка церковнаго: оба они суть ближайшїя вѣтви единаго древа; оба они суть органы вѣщанїя единаго Славянскаго народа, но по отдѣленїи племенъ необходимо уже измѣнившїеся отъ различїя въ мѣстномъ положенїи тѣхъ племенъ, въ сосѣдствѣ съ народами, въ образѣ правленїя. Языкъ, говорю, богослужебный, образованный по Греческому и принесенный въ Русь по крещенїи жителей Кїевскихъ и Новгородскихъ, былъ весьма отличенъ отъ употребитель-

наго нарѣчія. Чтобъ удостовѣриться въ сей истинѣ, сравнимъ слогъ Новгородской лѣтописи, грамотъ и другихъ памятниковъ тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій со слогомъ церковныхъ молитвъ и пѣсней; при множествѣ несходныхъ словъ повсюду увидимъ въ нихъ отмѣнное словосочиненіе. Но что окажется, когда сличимъ слогъ Руской Правды или Пѣсни о полку Игоревѣ (ежели пѣснь сія въ самомъ дѣлѣ есть остатокъ отдаленной древности) со слогомъ тѣхъ же молитвъ и пѣсней церковныхъ? Въ памятникахъ ближайшаго къ намъ времени, когда по всей вѣроятности уже надлежало бы слиться двумъ симъ нарѣчіямъ по причинѣ долговременнаго употребленія ихъ однимъ народомъ, все еще замѣчаемъ несходство, которое до нынѣ продолжается и будетъ продолжаться. И такъ языкъ богослужебный, искажаемый неосторожными переписчиками, не могъ возноситься до высшей степени совершенства; а языкъ гражданскій и общенародный, присвоивщій себѣ многія чужестранныя слова и заимствовавшій нѣкоторые обороты изъ богослужебнаго, также неознако-

новань почти никакими успѣхами даже до царствованія великаго Преобразителя, при которомъ паки начинается заря отечественной Словесности. Оба языка, богослужебный и гражданскій, не имѣя надлежащей опредѣленности, неустановленные ни примѣрами великихъ писателей, ни основанными на нихъ правилами, недополненные изобрѣтеніями пінтическаго воображенія, были не иное что, какъ богатая руда золота, ожидающая трудолюбивыхъ рукъ художническихъ. Въ такомъ состояніи находились они въ великой Россіи до тѣхъ поръ, пока безсмертный Ломоносовъ не положилъ основанія новой, великолѣпной храминѣ Россійскаго слова, творческимъ умомъ его сооруженной и украшенной.

Между тѣмъ какія перемѣны въ малой Россіи и на сторонѣ Заднѣпрской происходили съ языками Славенскимъ и Русскимъ? Разореніе отъ Татаръ и междоусобія Князей облегчили средства усилившимся Литовцамъ завладѣть Кіевомъ. По соединеніи Литвы съ Польшею и по введеніи однообразнаго правленія въ оппорже-

ныхъ отъ Россіи Княжествахъ, языкъ Польскій сдѣлался господствующимъ. На немъ издаваемы были законы; имъ говорили знатные люди и шляхетство; правила для изученія ему преподаваемы были въ училищахъ. Усилія Польскаго правительства обратить къ Уніи православныхъ очень много способствовали искаженію Русскаго языка, которой мало по малу принималъ окончанія, обороты въ словахъ и цѣлыя слова отъ Польскаго, между тѣмъ какъ языкъ Славенскій оставался въ церковныхъ книгахъ. Хвала и честь духовенству православнаго исповѣданія! Понимая всю важность богослужебнаго языка, ученые монахи старались предохранить его отъ забвенія, и для того сочиняли Греко-Славенскія и особо Славенскія грамматики (*). Обучившись словеснымъ наукамъ въ Кіевскомъ и другихъ училищахъ и познавши правила древнихъ Риторовъ, они, по примѣру духовенства иныхъ исповѣданій, читали въ храмахъ Божіихъ свои собственныя проповѣди, Слова по-

(*) *Греко-Славенская* Грамматика напечатана во Львовѣ 1591, *Славенская* Мелетія Смотрицкаго въ Вильнѣ 1629.

хвальныя и надгробныя (*). Іоанникій Галятовскій, Ректоръ Кіевской Академіи, трудолюбивый проповѣдникъ и риторъ, упражняясь въ сочиненіи Словъ поучительныхъ, составилъ и правила для желающихъ писать проповѣди, и сіи правила показываютъ уже, что творецъ ихъ руководствовался наставленіями древнихъ въ трудной наукѣ располагать части слова. Да будетъ мнѣ позволено предложить здѣсь образцы языка, которой употребляемъ былъ Малороссійскими проповѣдниками семнадцатаго столѣтія. Беру примѣръ изъ одного поучительнаго Слова упомянутаго Іоанникія: „Пожы„токъ намъ чынитъ ялмужна, которую „гды даемо убогимъ, она грѣхи нашъ сгла„жаетъ и розпорошаетъ, такъ мовилъ Про„рокъ Даніилъ до Навходоносора Кроля Ва„вилонскаго: *Царю, совѣтъ мой да ти „будетъ угоденъ, и грѣхи своя милостынями разсыпли, и неправды твоя щедротами убогихъ.* Пожытокъ есть и то „ялмужны, которую гды даемо убогимъ,

(*) Нѣсколько такихъ Словъ напечатано въ разные годы первой половины семнадцатаго вѣка въ Луцкѣ и въ Кіевѣ.

„отдаетъ намъ Богъ оную на страшномъ „судѣ, гды всѣ люде встанутъ зъ мерт„выхъ, и станутъ предъ Маестатомъ Хрї„стовымъ, и будутъ справоватися якъ „жили на свѣтѣ, чы зле чы добре (*) и „проч.“ Беру другой примѣръ изъ его же наставленїя сочинять проповѣди (Наука, албо способъ зложеня казаня): „Кто хо„четъ казанье учынити, найперше маетъ „положити зъ писма святаго ѳему, коно„рая естъ фундаментомъ всего казаня, бо „ведлугъ ѳемы мусится повѣдати все ка„занье.“ Сей языкъ, намъ почти невразумительный, по прошествїи немногихъ лѣтъ въ устахъ Стефана Яворскаго, Димитрїя Святаго, Ѳеофана Прокоповича, Гаврїила Бужинскаго, и другихъ учившихъ народъ блаточестїю и прославляющихъ безсмертныя дѣла Петровы, примѣтно сближался съ Великороссїйскимъ, напрягалъ вниманїе любопытныхъ слушателей, и знакомилъ ихъ съ новымъ, дотолѣ неизвѣстнымъ для

(*) Изъ книги *Ключъ разумѣнія*, напечатанной сперва въ Кіевѣ, потомъ во Львовѣ, и содержащей въ себѣ проповѣди и наставленіе сочинять ихъ.

нихъ удовольствіемъ. Отъ чего даже до половины минувшаго столѣтія многіе престолы украшались Архіереями, уроженцами изъ Малой Россіи? отъ чего слухъ Великороссіянъ терпѣливо сносилъ чуждое произношеніе и нѣкоторыя мало вразумительныя рѣченія новыхъ проповѣдниковъ? Отъ того что проповѣдники сіи, образовавшіеся въ училищахъ по правиламъ Логики и Риторики, предлагали святыя истины, подкрѣпляемыя доводами и украшаемыя хитростями науки о витійствѣ; отъ того что при составленіи словъ ораторскій талантъ ихъ руководствовался тѣми вѣковыми опытами, изъ которыхъ древніе мудрецы составили правила витійства.

По присоединеніи Малой Россіи къ Великой, вліяніе Польской Словесности ощутительно ослабѣвало. Проповѣдники и писатели тогда же начали сближаться съ господствующимъ языкомъ, употребляя къ тому посредство богослужебнаго. Изъ поучительныхъ словъ Черниговскаго Архіепископа Лазаря Барановича (*), Царю Алек-

(*) Въ книгѣ его *Трубы словесъ*, напеч. въ Кіевѣ 1674.

сію Михаиловичу посвященныхъ, изъ проповѣдей Кіевскаго Игумена Антонія Радивиловскаго (*), приписанныхъ Царямъ Іоанну Алексіевичу и Петру Алексіевичу и Царевнѣ Софіи Алексіевнѣ, и изъ другихъ оставшихся сочиненій того времени ясно видимъ, что витіи и писатели, каждой по мѣрѣ возможности своей, старались уже уклоняться отъ Польскаго языка. Тогдашнія обстоятельства были весьма благопріятны достохвальному ихъ стремленію. Еще и прежде знаменитый Митрополитъ Кіевскій Петръ Могила и по немъ Печерскій Архімандритъ Іннокентій Гизель предпринимали житія Святыхъ, читаемыя на Польскомъ, неприличномъ восточной церкви языкѣ (**) издать на Славянороссійскомъ, чего и многіе отъ благочестивыхъ желали нетерпѣливо; но разныя препятства остановляли исполненіе сего великаго подвига, которой совершенъ уже послѣ трудами Св. Димитрія Ростовскаго, бывъ начатъ имъ по прошенію Кіевскаго Митрополита Варла-

(*) Смотр. *Вѣнецъ христовъ*, Кіевъ 1683.

(**) См предисловіе къ Чет. Минеи.

ама. Изданіе Четіи Миней есть важнѣйшее событіе въ исторіи богослужебнаго языка всѣхъ племенъ Славенскихъ, исповѣдующихъ восточную вѣру. Въ сей достопамятной книгѣ житія Святыхъ предложены такимъ слогомъ, въ которомъ тщательно наблюдены уже правила грамматическія, и которой долженъ служить образцовымъ для Россіянъ, упражняющихся въ отечественной Словесности.

Къ началу осмнадцатаго вѣка многое уже было приготовлено для успѣховъ церковнаго краснорѣчія: изданы нѣкоторыя сочиненія древнихъ Отцовъ восточныхъ; книжный языкъ утверждался на правилахъ Грамматики; молодые ораторы имѣли средства обработывать свои дарованія науками, и могли надѣяться, что самое правительство, съ ними единую вѣру исповѣдующее, обратитъ на труды ихъ свое вниманіе. Великій Петръ, быстрымъ и проницательнымъ взоромъ замѣчавшій умъ, ученость и дарованія, почти въ одно время нашелъ оныя въ знаменитыхъ современникахъ, Димитріи Туптадѣ и Стефанѣ Яворскомъ,

сихъ лучезарныхъ свѣтилахъ Россійскія церкви.

Димитрій, обучившійся въ Кіевѣ словеснымъ наукамъ 1675 года, призванъ былъ въ Черниговъ Архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ къ отправленію должности проповѣдника. Успѣхи въ преподаваніи народу Евангельскаго ученія скоро сдѣлали извѣстнымъ имя его за предѣломъ Россіи, и онъ возымѣлъ случай показать дарованія свои въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ Литовскаго Княжества. Въ 1669 году, по напечатаніи первыхъ трехъ мѣсяцовъ Четіи Миней, Святый собиратель ихъ, прибывшій къ Московскому Двору съ Гетманомъ Малороссійскимъ, ободренъ былъ Патріархомъ Іоакимомъ къ продолженію начатаго достохвальнаго подвига. Въ послѣдовавшее время Димитрій неусыпно трудился надъ житіями Святыхъ, получивъ новое ободреніе отъ Патріарха Адріана въ присланной къ нему грамотѣ. Въ 1701 году Великій Петръ именнымъ указомъ своимъ призвалъ Димитрія въ Москву и повелѣлъ посвятить его въ Митрополита

Время пастырской жизни сего Святителя до блаженной кончины его (*) протекло въ подвигахъ вѣры и добродѣтели, въ исправленіи подчиненныхъ, въ обличеніи раскольниковъ, въ наставленіи народа. Не буду исчислять различныхъ Святаго Димитрія сочиненій историческихъ, догматическихъ и стихотворныхъ, а упомяну только, что поучительными Словами его услаждаются многіе изъ благочестивыхъ читателей, а особливо тѣ, кои ищутъ въ нихъ единственно христіанскаго нравоученія и пользы душевной.

Дарованія Стефана Яворскаго замѣчены Варлаамомъ Ясинскимъ, тогдашнимъ проповѣдникомъ Печерскимъ, а послѣ бывшимъ Кіевскимъ Митрополитомъ. Сей покровитель учености посылалъ Яворскаго въ Польскія училища для усовершенствованія въ наукахъ, и Яворскій по возвращеніи своемъ въ Кіевъ преподавалъ Риторику, Философію, Богословію и во храмахъ проповѣдывалъ Божіе слово. Въ бытность свою

(*) Онъ скончался въ Ростовѣ 1709.

въ Москвѣ, 1700 года, по желанїю Царя Петра Алексїевича произнесъ надгробное Слово надъ скончавшимся тогда знаменитымъ военачальникомъ Шеинымъ; ораторскїй талантъ его понравился Государю, и проповѣдникъ добродѣтелей и подвиговъ Шеина въ томъ же году возведенъ въ достоинство Митрополита Рязанскаго. Такъ Великїй Монархъ умѣлъ ободрять дарованїя и открывать для нихъ новое обширнѣйшее поприще! По кончинѣ Патрїарха Адрїана Стефану ввѣрено правленїе всея Россїйскїя церкви. Проходя иноготрудную должность сїю, онъ не переставалъ упражняться въ сочиненїи книгъ догматическихъ и полемическихъ, писалъ богословскїе отвѣты въ Сорбонскую Академїю и стихи на разные случаи, произносилъ Слова поучительныя и похвальныя. Вообще въ сочиненїяхъ своихъ онъ старался наблюдать чистой слогъ Славенской, подобно Димитрїю святому; проповѣди же его отличаются обилїемъ мыслей, хотя впрочемъ не всегда отборныхъ, и не рѣдко заимствуемыхъ отъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей. Обыкно-

ѣніе ссылаться на мудрецовъ языческихъ и приводить слова Цицерона, Виргилія, Сенеки, было нѣкогда уважаемо всѣми иностранными проповѣдниками; оно и въ Россіи господствовало до тѣхъ поръ, пока болѣе заботились собирать мысли, нежели выбирать ихъ; а на зарѣ словесности едвали не каждая новая мысль кажется хорошею и приличною. Петръ Великій почтилъ напослѣдокъ Стефана титломъ Президента вновь тогда учрежденнаго Святѣйшаго Синода, и уважалъ заслуги его до самой кончины (*) сего добродѣтельнаго и ученаго Пастыря.

Уже Стефанъ былъ Митрополитомъ и Блюстителемъ Патріаршаго престола, а Димитрій, равномѣрно почтенный саномъ Архіерейства, управлялъ епархіею Ростовскою и Ярославскою, когда Ѳеофанъ Прокоповичъ, недавно возвратившійся изъ чужихъ краевъ, еще только преподавалъ стихотворство въ Кіевской Академіи, въ которой обучался прежде словеснымъ и дру-

(*) Онъ скончался въ Москвѣ 1736.

гимъ наукамъ. Сильное желаніе искать новыхъ свѣдѣній повлекло его въ Польшу и въ отдаленныя государства. Тамъ довершалъ онъ образованіе великаго своего разума; тамъ обогащался онъ тѣми обширными и глубокими познаніями, которыми послѣ удивилъ просвѣщеннѣйшихъ современниковъ своихъ, и которыми стяжалъ имени своему вѣчную славу. Одни только названія всѣхъ произведеній сего знаменитаго Писателя могутъ каждаго привести въ изумленіе. Онъ упражнялся въ витійствѣ и въ стихотворствѣ, въ философіи и въ богословіи, въ исторіи и въ политикѣ, въ наукѣ о древностяхъ и въ дипломатикѣ. Изъ древнихъ языковъ Латинской зналъ онъ такъ хорошо, что писалъ на немъ чище, нежели на Россійскомъ, и даже сочинялъ для него пінтическія и риторическія правила. Петру Великому сталъ Ѳеофанъ извѣстнымъ не прежде 1706 года, когда Монархъ по прибытіи въ Кіевъ поздравленъ былъ отъ Ѳеофана привѣтственною рѣчью. Знаменитыя побѣды, надъ Шведами одержанныя, давали поводъ Витіи торжественно вѣщать о подвигахъ Петра

Великаго и любимца его Князя Меньщикова. Съ 1715 года Ѳеофанъ, призванный въ Москву и потомъ (1718) возведенный на степень Епископа, неутомимо содѣйствовалъ намѣреніямъ Государя, клонившимся къ установленію новаго порядка. Только Ѳеофановъ умъ и дарованія достаточны были къ тому, чтобы такъ убѣдительно доказывать пользу новыхъ перемѣнъ и учрежденій, такъ краснорѣчиво прославлять чудесные подвиги безсмертнаго Преобразителя, такъ искусно изобличать упорное невѣжество. Только особенная довѣренность Великаго Монарха могла быть соразмѣрнымъ воздаяніемъ за труды столь знаменитые и полезные. Петръ пожаловалъ его Вице-Президентомъ Сунода и Архіепископомъ; Екатерина, Петръ II и Анна равномѣрно любили его и уважали (*).

Ѳеофанъ имѣлъ отличную способность пріятно произносить слова свои передъ слушателями. Современники могли услаждаться голосомъ его, тѣлодвиженіями, выраженіемъ лица; но для насъ не существуетъ

(*) Ѳеофанъ скончался 1736 года въ С. Петербургѣ.

сія прелесть, которою иногда славятся и посредственные Ораторы. Мы смотримъ на вѣковыя достоинства Ѳеофановы, на зрѣлыя мысли его, на силу доказательствъ, на ораторскую хитрость въ употребленіи способовъ удостовѣрить и убѣдить слушателей, а особливо на искусное расположеніе частей слова; ибо наиболѣе по расположенію частей безошибочно судить можно объ успѣхахъ витійства. Каждой одаренный здравымъ разумомъ человѣкъ способенъ правильно мыслить и сильно доказывать свое мнѣніе; но расположить искусственное слово такимъ образомъ, чтобы оно удобно напечатлѣвалось въ памяти слушателя и производило бы въ немъ желаемое дѣйствіе, можетъ только ученый и опытныйОраторъ. Таковъ точно порядокъ въ похвальныхъ и поучительныхъ словахъ Ѳеофановыхъ. Въ каждомъ изъ нихъ видимъ взаимную зависимость мыслей, раздѣленіе частей и направленіе ихъ къ главной цѣли. Вотъ расположеніе похвальнаго Слова о баталіи Полтавской (*): Витія разсматриваетъ

(*) Произнесеннаго 1717 года въ С. Петербургѣ.

1, коликая супостатская лютость и сила уготована была на насъ; 2. како она оружїемъ Россїйскимъ сломлена на Полтавской баталїи; 3. кїя плоды толь преславной викторїи родилися намъ. Прославляя въ другомъ Словѣ (*) достопамятный миръ между Россїею и Швецїею, Ѳеофанъ описываетъ Россїю, *каковою была она прежде войны* и *каковою стала послѣ оной.* Въ словѣ на похвалу Петра Великаго, по кончинѣ его проповѣданномъ (**), Ораторъ исчисляетъ подвиги безсмертнаго Монарха вопервыхъ *просто какъ Царя*, а потомъ *какъ Царя христїянскаго.* Каждая часть опять имѣетъ свои подраздѣленїя, и они, равно какъ весь внутреннїй составъ каждаго слова, закрыты цвѣтами краснорѣчїя. И какими движенїями одушевлены вѣщанїя Ѳеофановы, а особливо гдѣ онъ, очевидный свидѣтель великихъ перемѣнъ, говоритъ о пользѣ новыхъ заведенїй, о порядкѣ военномъ и гражданскомъ, о знаменитыхъ побѣдахъ, и гдѣ сравниваетъ вводимое

(*) Произн. въ Москвѣ 1722.
(**) Въ С. Петербургѣ 1725.

просвѣщеніе съ прежнимъ невѣжествомъ! Ѳеофановъ слогъ вообще нечистъ и негладокъ; принявъ за основаніе книжный Славенскій языкъ, Ѳеофанъ пестрилъ его простонародными Русскими, Малороссійскими и чужестранными словами. Но можно ли обвинять въ томъ славнаго Витію, и надобно ли останавливаться надъ негладкостію слога, когда извѣстно, что почти всѣ ученые современники Ѳеофановы, писавшіе не объ однихъ только духовныхъ дѣлахъ, употребляли нечистой языкъ по необходимости, и что Ломоносовъ первой постигъ и открылъ для насъ тайну выбора словъ и *приличнаго* сочетанія книжнаго языка съ общенароднымъ? Не льзя было избѣжать словъ чужестранныхъ, говоря о флотѣ, объ инженерствѣ, о дисциплинѣ и вообще о наукахъ и искусствахъ; не льзя было замѣчать разительной неприличности простонародныхъ Русскихъ словъ между Славенскими и остерегаться отъ Малороссійскихъ и Польскихъ оборотовъ такимъ людямъ, кои молодость свою провели посреди Малороссіянъ и Поляковъ, въ зрѣлыхъ же лѣтахъ не могли Русскому языку научиться по прави-

ламъ, которыя тогда не были еще и составлены. Можетъ быть, Ѳеофанъ думалъ, что уклоняясь отъ книжнаго языка приближается къ употребительному въ общежитїи; я неосмѣливаюсь предполагать, будто ученый мужъ сей не видѣлъ, что языкъ его невездѣ сходенъ съ богослужебнымъ.

Изъ современниковъ Ѳеофановыхъ извѣстны по напечатаннымъ и рукописнымъ проповѣдямъ, Ѳеофилактъ Лопатинскїй, Варлаамъ Леницкїй и другїе ученые Пастыри. Но болѣе всѣхъ ихъ прославился Гаврїилъ Бужинскїй, бывшїй въ походахъ съ Петромъ Великимъ. Монархъ съ особливымъ удовольствїемъ слушалъ его проповѣди и приказывалъ ихъ печатать. Отправляя должность Оберъ-Іеромонаха при морскомъ флотѣ, Гаврїилъ произносилъ слова свои иногда на кораблѣ, иногда въ походной полковой церкви. Къ чести сего знаменитаго Витїи упомянуть должно, что проповѣди его неоднократно печатаны были въ обѣихъ столицахъ, а одна, произнесенная при гробѣ Петра Великаго по слу-

ною годичнаго поминовенія, переведена на Латинской языкъ и напечатана въ Берлинѣ. Гавріилъ учился въ Кіевской Академіи; живши въ Москвѣ при Заиконоспасскомъ училищѣ съ 1707 года, онъ по видимому заблаговременно успѣлъ примѣтить, сколь неприлично въ поучительныя слова вмѣщивать реченія чуждыя Великороссійскому слуху, и для того рѣшился писать языкомъ богослужебнымъ, по возможности стараясь сохранить чистоту его и важность. Однакожъ онъ не могъ обойтись безъ нѣкоторыхъ иностранныхъ реченій, болѣе или менѣе нужныхъ для наименованія новыхъ вещей и для выраженія новыхъ понятій; а мы знаемъ теперь, что иностранныя слова, иногда терпимыя въ употребительномъ языкѣ, никогда не получатъ права гражданства въ богослужебномъ. Языкъ общественный удобенъ обогащаться; напротивъ того книжный, сообщая богатства свои первому, отвергаетъ всякое новое пріобрѣтеніе. Замѣчаніе сіе относится вообще до всѣхъ мертвыхъ языковъ; описанія многихъ нынѣшнихъ учрежденій, обычаевъ и новыхъ открытій были бы непонятны для Димосѳена

и Цицерона на ихъ природныхъ языкахъ. Мы не должны терять изъ виду сего замѣчанія, разсматривая Славянской слогъ нашихъ Ораторовъ, современныхъ Петру I и Елисаветѣ. Въ семъ отношеніи нельзя требовать, чтобы слогъ Гавріила вездѣ былъ ровенъ. И того уже довольно, что находимъ у него многія страницы, на которыхъ удержана вся важность богослужебнаго языка. Обиліе хорошихъ мыслей, полнота періодовъ, искусной выборъ и приличное сочетаніе реченій, суть отличительныя принадлежности словъ Гавріиловыхъ. Сей достопамятный мужъ имѣлъ счастіе пользоваться благоволеніемъ Петра Великаго, который почтилъ его, бывшаго уже Архимандритомъ, званіемъ Совѣтника Святѣйшаго Сунода и сверхъ того Директоромъ и Протекторомъ всѣхъ духовныхъ училищъ и типографій. Онъ скончался въ Москвѣ (*), имѣя санъ Епископа Рязанскаго и Муромскаго.

При Екатеринѣ I наши Витіи прославляли подвиги Петра Великаго. Ко-

(*) 1731 года.

ротное царствованіе Петра II ознаменовано поздравительными словами. Отъ времени Анны Іоанновны остались немногія проповѣди. Но царствованіе ея достопамятно въ исторіи отечественнаго краснорѣчія тѣмъ, что тогда начали помышлять объ очищеніи Россійскаго слова. При Академіи Наукъ учреждено было *Россійское Собраніе* подъ начальствомъ Барона фонъ-Корфа. Первое засѣданіе открыто (*) рѣчью о чистотѣ Россійскаго языка, произнесенною Тредіаковскимъ.Ораторъ доказывалъ, что для очищенія и дополненія отечественнаго слова нужно переводить древнихъ и новыхъ авторовъ, сочинить исправную Грамматику, составить полной лексиконъ, риторику и стихотворную науку. Все сіе хотя трудно, однакожъ необходимо нужно и возможно: нужно для того, чтобъ „имѣть хо„тя малое средствіе къ прославленію дѣлъ и „добродѣтелей Государыни нашея“, говоритъ Тредіаковскій, а въ доказательство возможности приводитъ въ примѣръ Флоренцинскую и Французскую Академіи и Лейпциг-

(*) Марта 14 дня 1735.

ское общество. „Не помышляете ли вы, что „нашъ языкъ не въ состоянїи быть украшаемъ? Нѣтъ, нѣтъ, господа; извольте „отложить толь неосновательное мнѣнїе. „Посмотрите, отъ Петра Великаго лѣтъ, „обратившись на многїи прошедшїи годы; „по размысливши увидите ясно, что „совершеннѣйшїй сталъ въ Петровы лѣта „языкъ, нежели въ бывшїя прежде.“ Для чего я повторяю здѣсь слова Тредїаковскаго? Для показанїя, что ученые люди тогдашняго времени очень хорошо знали, въ какомъ состоянїи находился языкъ отечественный, и какїя средства употреблять еще должно было для возведенїя онаго на высшїя степени къ совершенству. Не станемъ пугаться жесткаго слога и еще послушаемъ Тредїаковскаго: „Украситъ его (т. е. язык) „въ насъ Дворъ Ея Величества въ словѣ „учтивѣйшїй и великолѣпнѣйшїй богат„ствомъ и сїянїемъ. Научатъ насъ иску„сно имъ говорить и писать благоразумнѣй„шїи Ея Министры, и премудрыи Священо„начальники, изъ которыхъ многїи вамъ „и мнѣ извѣстныи, у насъ таковы, что намъ „за господствующее правило можно̀ ихъ

„взять было въ грамматику, и за кра„снѣйшій примѣръ въ реторику. Научитъ „насъ и знатнѣйшее и искуснѣйшее благо„родныхъ сословіе. Утвердитъ оный намъ „и собственное о немъ разсужденіе и вос„пріятное употребленіе отъ всѣхъ разум„ныхъ.“ Труды и успѣхи сего Россійскаго собранія мнѣ неизвѣстны; мы знаемъ только, что одинъ Ломоносовъ сочинилъ Грамматику и Риторику, опредѣлилъ различіе слога высокаго, средняго и простаго, правилами и примѣрами своими подтвердилъ неоспоримую истину, что весьма полезно и необходимо нужно обрабатывать языкъ господствующій, употребляемый въ общежитіи.

При восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы воспрянули дарованія нашихъ проповѣдниковъ. Новое поприще открылось для нихъ въ прославленіи дѣлъ Петра Великаго предъ лицемъ ея Дщери, въ изображеніи прежнихъ бѣдствій и настоящаго благополучія, въ истолкованіи божественнаго ученія для душевной пользы Государыни кроткой и благочестивой. По

прибытіи ея въ Москву для вѣнчанія и священнаго помазанія на царство, въ праздничные и воскресные дни раздавались вѣщанія Пастырей въ хвалу Петра, Екатерины и Елисаветы. Сыны Отечества проливали слезы умиленія, когда Оратор, исчисливъ благодѣянія Петра Великаго и Екатерины, представлялъ печальную картину всеобщаго уныніа: „Погребли мы преславныхъ Мо„нарховъ, погребли благоденствія наши; „по смерти оныхъ за беззаконія и неправды „наша наказа насъ Господь частыми пере„мѣнами, а въ таковыхъ вредительныхъ „перемѣнахъ, коликая претерпѣхомъ злая, „въ коликое-было Россія пришла безобразіе, „воспомянути болѣзнь утробу пронзаетъ. „А таковыя частыя перемѣны видяще про„пивницы наши, добрую дорогу, добрый „ко утѣсненію насъ сыскали способъ; по„казывали себе аки бы они вѣрныя Государ„ству слуги, аки бы они оберегатели здра„вія Государей своихъ, аки бы они все къ „пользъ и исправленію Россіи промышля„ютъ: а какъ прибрали все Отечество на„ше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣр„ныхъ чадъ Россійскихъ опрыгнули

„коликое гоненіе на церковь Христову и на „благочестивую вѣру возставили! ихъ бы„ла година и область темная; что хотѣли, „то и дѣлали (*)."

Тутъ вдругъ появляются на поприщѣ витійства Димитрій Сѣченовъ (**), Порфирій Крайскій (***), Амвросій Юскевичъ (****), Силвестръ Кулябка (*****), Арсеній Максѣевичъ (******) и многіе другіе. Какъ люди, обучавшіеся риторикѣ (на Латинскомъ языкѣ), они располагали части слова по правиламъ. У нихъ, а особливо у Сѣченова и Юскевича, нерѣдко читатель находитъ для себя истинное удовольствіе въ хорошихъ мысляхъ, въ доказательствахъ, въ описаніяхъ и въ ораторскихъ движеніяхъ; но слогъ

(*) Изъ слова въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, проповѣданнаго Архимандритомъ Димитріемъ Сѣченовымъ въ Москвѣ 1742.

(**) Митрополитъ Новгородскій, скончался 1767.

(***) Епископъ Бѣлогородскій, скончался 1763.

(****) Архіепископъ Новгородскій, скончался 1745.

(*****) Архіепископъ С. Петербургскій, скончался 1761.

(******) Бывшій Митрополитъ Ростовскій, лишенный сана и скончавшійся 1763.

проповѣдей ихъ также не чистъ и не ровенъ.

Изъ числа духовныхъ Ораторовъ Елисаветина времени первенство отдается придворному проповѣднику (*) Гедеону Криновскому. И въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ отличныя дарованія. Для примѣра упомяну только объ одномъ его словѣ въ недѣлю блуднаго. Ѳема слѣдующая: *Раздѣли имъ имѣніе. И не по многѣхъ днѣхъ собравъ все мнїй сынъ, отъиде на страну далече; и ту расточи имѣніе свое, живый блудно.* Витїя, принаровляя къ Евангельской притчѣ свое поученіе, разсматриваетъ, какими и коликими благами Богъ надѣлилъ насъ отходящихъ на страну мїра сего, и какъ мы употребляемъ дары Божїи, которыя состоятъ въ разумѣ, въ красотѣ и здравїи тѣла, въ почестяхъ и богатствѣ. „Осмотримся, вѣщаетъ Гедеонъ, „сколь много мы, будучи въ нашихъ чи„нахъ; въ нашихъ достоинствахъ и въ

(*) Онъ послѣ былъ Псковскимъ Епископомъ, и скончался 1761.

„нашемъ изобилiи, восполнovали церковь „Божiю или общество. . . . Я бы охотно „умолчалъ, слышатели, о семъ; я бы и „самъ радъ прикрыть такой стыдъ нашъ; „но бѣдные просители, никакова удоволь„ствiя отъ властей своихъ не получающiи, „но нищiи помилованiя ни малѣйшаго отъ „изобилующихъ во всемъ не видящiи, но „народъ во тмѣ невѣжества заблуждающiй „и должнаго просвѣщенiя ко спасенiю отъ „своихъ пастырей не находящiй не можетъ „умолчать того. Тѣ говорятъ: что намъ „прибыли во властяхъ, когда они слезъ „нашихъ неотираютъ, воздыханiй неслу„шаютъ, прошенiй непрiемлютъ! Воля „твоя, Господи, называть ихъ въ писанiи „ботами; но намъ они по большей части „кажутся какъ идолы, очи имѣющiи и не„видящiи, уши и неслышащiи, руки и ни„чего ими добра намъ недѣлающiи. Дру„гiе вопiютъ: увы намъ, Господи! кому „Ты повѣрилъ имѣнiе твое! кому поручилъ „снабдѣвать нашу бѣдность! нѣтъ въ нихъ „не только милости, но и человѣчества: „воззри на сотрясаемые отъ люта мра„за уды наши; воззри на изсушенныя гла-

„домъ и жаждою кости наши; воззри на „терзаемую на правежахъ плоть нашу; и „есть ли, чтобъ кто искупилъ? есть ли, „чтобъ кто снабдилъ? есть ли, чтобъ кто „пожалѣлъ насъ? Третій болѣзненно воз„дыхая противъ своихъ приставниковъ ду„шевныхъ протестуетъ, что никакого по„чти попеченія о душахъ ихъ не имѣютъ; „ни учатъ ихъ, ни посѣщаютъ, ни въ „страданіи утѣшаютъ, ни въ благополу„чіи утверждаютъ. . . . Чтожъ это зна„читъ? нерасточаемъ ли въ такомъ слу„чаѣ мы имѣніе Отца нашего небеснаго „всуе, и неживо ли изобразуется въ та„комъ нашемъ нерадѣніи и своевольствѣ „блудный сынъ оный?“ Вотъ истинное, изъ полнаго сердца изливающееся краснорѣчіе! вотъ надежнѣйшее средство увлекать за собою слушателей! Я говорю не о слогѣ, а о чувствѣ ораторскомъ, которымъ надѣляетъ единственно природа. Гедеонъ умѣлъ располагать искусно; каждая часть у него отдѣльно отработана. Въ проповѣдяхъ его разсыпаны мысли и примѣры изъ древнихъ писателей; но къ счастію, онъ рѣдко употребляетъ во зло свою учё-

мость. Въразсужденіи же слога, приведенный выше отрывокъ показываетъ, что Гедеонъ поступалъ уже вопреки обыкновенію своихъ современниковъ, то есть онъ употреблялъ языкъ гражданской, дополняя оной богослужебнымъ. Окончанія словъ въ ихъ измѣненіяхъ и синтаксисъ у него совершенно Русскія. Гедеона именуютъ вторымъ Ѳеофаномъ; онъ заслужилъ бы славное титло втораго Ломоносова, когда бы старался избѣгать словъ иностранныхъ и простонародныхъ, наблюдалъ бы строгую правильность умозрительной Грамматики (другой тогда еще не было) и прислушивался бы къ теченію своего слова. Ему удобнѣе было писать Русскимъ языкомъ; онъ родился въ Казани, и по видимому жилъ съ малолѣтства между Великороссіянами.

Таковъ былъ ходъ Россійскаго витійства до временъ Ломоносова, коего правила и примѣры составляютъ достопамятную эпоху въ исторіи отечественнаго языка. Искусственное, по правиламъ Риторики располагаемое краснорѣчіе принесено въ Москву изъ Кіева въ началѣ минувшаго

ѣка. Оно состояло въ поучительныхъ Словахъ и похвальныхъ, которыя сочиняемы были духовными особами на общемъ богослужебномъ языкѣ, богатомъ, но мертвомъ, необработанномъ, неустановленномъ употребленіемъ, неутвержденномъ ни великими примѣрами, ни извлеченными изъ нихъ точными правилами. Проповѣдники, природные Малороссіяне, обучавшіеся въ Кіевѣ словеснымъ наукамъ, сочиняли поученія свои на языкѣ богослужебномъ; языкъ сей былъ для нихъ недостаточенъ, и потому они заимствовали слова иностранныя, Малороссійскія и здѣшнія простонародныя. Великороссійскому слуху смѣсь сія не могла быть пріятною. Между тѣмъ ученые люди, зная пользу усовершенствованія отечественнаго всѣми употребляемаго языка, начали заботиться о дополненіи и объ утвержденіи онаго. Вообще въ Кіевскихъ и въ другихъ вновь тогда заведенныхъ училищахъ преподаваніе словесныхъ наукъ по Латинскимъ учебнымъ книгамъ клонилось болѣе къ познанію Латинскаго языка. Молодые Ораторы могли обучиться изобрѣтенію доказательствъ и расположенію слова; но Россійскій грам-

данскій языкъ, неимѣвшій тогда ни правилъ, ни примѣровъ, былъ употребляемъ ими безъ критической разборчивости. Ломоносовъ далъ образъ и правильность Россійскому слову.

Я желалъ бы идти далѣе за успѣхами Россійскаго витійства; но для подвига сего потребны новыя силы, а сверхъ того я опасаюсь продолжительною бесѣдою утомить вниманіе почтеннѣйшихъ Любителей Россійской Словесности.

М. Качеповскій.

РАЗСУЖДЕНІЕ
О РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ЕЯ СОСТОЯНІИ.

Милостивые Государи!

Имѣя щастіе бесѣдовать съ Вами въ то время, когда Вы посвящаете начатки трудовъ своихъ Отечеству, осмѣливаюсь я обратить проницательные взоры Ваши *на Россійскую Словесность въ настоящемъ ея положеніи.* Мнѣнія мои представляю просто, безпристрастно. Знаю, что для надлежащаго разсмотрѣнія сего предмета потребны не мои силы; однако я увѣренъ, что Вы извините меня, по крайней мѣрѣ для того, что я предлагаю мысли свои откровенно, какъ человѣкъ, ищущій истины, и предпочитающій всѣмъ выгодамъ самолюбія пользу Словесности и долгъ свой, споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ нашего Общества. — Я почелъ избранный мною предметъ приличнѣйшимъ для началь-

ныхъ занятій нашихъ. Всякой человѣкъ, предпринимая полезное путешествіе, заранѣе разсуждаетъ объ его продолжительности, трудностяхъ, препятствіяхъ, которыя долженъ онъ встрѣтить, и о цѣли, къ которой онъ стремится. — Онъ судитъ заблаговременно о томъ, что имѣетъ, и что онъ имѣть долженъ: онъ вѣситъ труды съ ожидаемою наградою. — Въ такихъ точно обстоятельствахъ находится Общество сіе, составленное усердіемъ къ чести Россійской Словесности, и при самомъ рожденіи своемъ ознаменованное уже Высочайшимъ покровительствомъ. Языкъ и Словесность, — образованность и господствующій вкусъ народа, ходъ и перемѣны того и другаго: вотъ предметъ нашъ — предметъ необозримый! — Одни правила языка столь глубоки, столь отдаленны отъ постиженія человѣческаго, что вѣки и усилія многихъ ученыхъ Мужей едва были въ состояніи опредѣлить ихъ. — Какъ видимая картина умственныхъ нашихъ познаній, онъ имѣетъ тѣ же самые предѣлы, какими ограничивается нашъ разумъ; какъ единое средство для объясненія вну-

треннихъ движенїй души нашей, онъ терпитъ всѣ тѣ же перемѣны, какїя терпитъ самой народъ въ продолженїи своего существованїя. — Начало общества, климатъ, вѣра, господствующїя нужды, образованность, правленїе, перевороты, нравы, открытїя ума человѣческаго: все имѣетъ на него влїянїе; — вмѣстѣ съ Государствомъ онъ растетъ, процвѣтаетъ, искажается, старѣетъ, и часто гибнетъ. Если представить все политическое тѣло въ видѣ огромнаго зданїя, то языкъ можно назвать нелживымъ знаменїемъ его характера, прочности, силы, обилїя и благоустроенїя. — Съ сей точки взираемъ мы на языки Греческой и Римской, которые, сохранившись въ развалинахъ Имперїи, пережили Грековъ и Римлянъ, и нынѣ составляютъ одинъ достопочтенной, немерцающїй ихъ памятникъ, котораго не могли разрушить ни время, ни варвары. — Съ сей точки должны мы смотрѣть на собственный свой языкъ, если хотимъ быть точно ему полезными. — Неоспоримо, что такого рода наблюденїя предполагаютъ въ наблюдателяхъ многїя уже свѣ-

дѣлія филологическія, философическія и даже политическія; неоспоримо также, что онѣ могутъ быть прочны только въ опредѣленное время, и только тогда, когда языкъ пришелъ въ надлежащую зрѣлость, и когда народъ, имъ обладающій, достигнулъ желаемой степени своей образованности. Повидимому, казалось бы, что порядочный Этимологической Лексиконъ и основательная Грамматика должны быть первоначально обработаны; но опытъ всѣхъ народовъ показываетъ противное. — Тотъ и другая являются уже тогда, когда прославились многіе отечественные Писатели, когда философскія Науки имѣли успѣхи, и когда образованной народъ почувствовалъ и удовлетворилъ потребность въ чистѣйшихъ удовольствіяхъ вкуса. — Французы, Нѣмцы, Англичане служатъ тому примѣромъ. — Дѣло наше — опредѣлить теперь сіе время, или возрастъ Словесности Россійской; другими словами: опредѣлить степень, до которой достигнулъ языкъ и нравственная образованность наша; показать, что мы имѣемъ, въ чемъ мы особенно успѣли и чего намъ недостаетъ.

Народъ въ постепенномъ своемъ образованіи имѣетъ три степени совершенствованія: сначала представляются его *усилія* распространить, обезпечить и оградить свое существованіе; потомъ слѣдуетъ внутренняя *образованность*, поддерживающая и укрѣпляющая даже наружныя его отношенія; наконецъ вышняя степень или зрѣлость народа — есть, если смѣю такъ назвать ее, *утонченность*, когда онъ дѣйствуетъ на другіе народы не только силами и могуществомъ, но самыми своими нравами, обычаями, изобрѣтеніями, просвѣщеніемъ. — Тѣ же самыя степени имѣетъ языкъ: *обогащеніе*, *опредѣленность*, *утонченіе*. Послѣднее, какъ вышняя и скользкая степень, часто равно опасна бываетъ какъ для народа, такъ для языка и вкуса. *Баттё* справедливо сказалъ объ отечественной своей словесности въ ея послѣднее время. Нынѣшніе остроумцы, говорилъ онъ, вреднѣе для истиннаго простаго вкуса, нежели Готы и Вандалы для народовъ, ими наконецъ побѣжденныхъ. — Эпоха обогащенія языка почти у всѣхъ народовъ ознамено-

вывается обилiемъ Стихотворцевъ. Когда юный и рьяный характеръ народа, его пламенное воображенiе, быстрая страсть къ славѣ, ищетъ предметовъ безпрестанно новыхъ для своего занятiя, и слова творитъ новыя для своего объясненiя: тогда всѣ правила уступаютъ силѣ и выразительности. Въ послѣдствiи времени народъ получаетъ постепенно *образованность*. Что это значитъ? — то, что онъ, будучи удовлетворенъ въ необходимыхъ нуждахъ, успокоенъ, огражденъ, обогащенъ познанiями, потребными для общежительства, для наслажденiя, наконецъ обращаетъ вниманiе на самаго себя, на свои душевныя силы; разбираетъ собственныя свои мысли, отношенiя между собою и предметами; судитъ объ удовольствiяхъ, которыми насладился, объ горестяхъ, которыя претерпѣлъ; о началахъ добра и зла, между которыми безпрерывно колеблется бренное его бытiе; наконецъ по симъ умственнымъ ближайшимъ отношенiямъ дерзаетъ перейти ограничивающую его сферу, и мыслитъ о предметахъ отдаленныхъ, о томъ, что скры-

что въ нѣдрахъ земли, что погружено въ бездонномъ пространствѣ неба, объ отношеніяхъ не семейства къ семейству, но народовъ къ народамъ, о мірѣ, о душѣ и Богѣ! — О цѣломъ народѣ можно сказать также, какъ объ одномъ человѣкѣ: сперва *воображалъ* или подражалъ, послѣ начинаетъ онъ *умствовать*. По мѣрѣ того, какъ составляется точнѣйшая связь и стройность въ мысляхъ, непремѣнно должна составляться подобная связь и стройность и въ нашихъ словахъ. Система и порядокъ, въ умѣ соблюдаемые, переносятся въ образъ нашего выраженія. Тогда-то наши изслѣдованія и открытія предполагаютъ цѣпь умствованій связныхъ, основательныхъ, точныхъ, однимъ словомъ, цѣпь раздробленія или сложенія логическаго, которое можно назвать *умственною Химіею*. Тогда-то и языкъ по необходимости долженъ подвергнуться таковымъ же испытаніямъ. Вотъ время философовъ! — вотъ время *опредѣленности* языка! — Если основательныя Науки не образуютъ его; онъ никогда не будетъ имѣть настоящей своей точности. — И вотъ почему, какъ

сказалъ я прежде, языкъ тогда только совершенъ, когда философскія Науки обработаны, и когда самыя удовольствія вкуса разобраны будутъ по ихъ началамъ. —

Филологи обыкновенно отдѣляютъ языкъ вообще отъ Словесности. — Подъ именемъ *языка* разумѣютъ они весь матеріалъ, которой даетъ намъ природа и изобрѣтаютъ нужды для выраженія нашихъ мыслей и чувствованій. Слова можно представить въ видѣ камней, назначенныхъ для строенія, и расположенныхъ просто, въ нѣкоторомъ видимомъ порядкѣ: — вотъ Лексиконъ или Словарь — сокровищница языка. — Грамматика въ художественную свою храмину воспріемлетъ сей дикой матеріалъ, и даетъ видимымъ знакамъ ту систему, какая находится въ нашемъ умѣ, въ отношеніи ко вселенной. — Такимъ образомъ въ ней отличены дѣйствія отъ вещей, означены отношенія между дѣйствіями и вещами, времена дѣйствій, ихъ наклоненія и пр. — Сіе примѣненіе видимой и духовной природы, во всѣхъ ея движеніяхъ и перемѣнахъ, къ

языку — показываетъ сего послѣдняго *богатство* или *бѣдность*; а тѣснѣйшая связь между словами, столь же быстро измѣняющаяся, какъ наши мысли, составляетъ его *гибкость*. Цѣль Грамматики въ собственномъ смыслѣ, оградить языкъ отъ чуждаго вліянія, то есть сохранить его *чистоту* и характеръ, опредѣлить каждаго слова *собственность*, доставить каждому надлежащія границы *значенія*, то есть даровать ему *точность* и *опредѣленность*, не смотря на прихоти *употребленія*, которое, хотя въ вѣчной враждѣ съ Грамматикою, но совершенно уничтожено быть не можетъ, какъ средство, придающее слогу иногда *краткость*, *силу*, или по крайней мѣрѣ, *живость* и *легкость*. Упоминаемыя мною теперь свойства языка называются грамматическими; онѣ суть вожделѣнной плодъ, котораго мы ожидать можемъ отъ сей глубокой и трудной науки, составляющей *теорію языка*.

Подъ названіемъ *Словесности* разумѣются сочиненія различнаго рода, или все то, что языкъ получаетъ отъ вкуса и

образованности народной. — Въ семъ отношеніи разсматриваются: 1, слогъ вообще, и всѣ его измѣненія по предметамъ, характерамъ, по духу Писателя и проч.; 2, роды сочиненій, свойства и границы каждаго изъ нихъ. Отсюда произтекаютъ правила и приличія вкуса изящнаго. — Правила сіи заключаются въ *теоріи Словесности*.

На сихъ предварительныхъ мнѣніяхъ моихъ основываю я предлагаемыя здѣсь замѣчанія объ языкѣ и Словесности отечественной.

Не входя въ темныя и запутанныя размышленія о томъ, первобытной ли нашъ языкъ или нѣтъ, нарѣчіе ли Славянскаго или самой Славянскій, искаженной временемъ и обстоятельствами, мы видимъ, что онъ имѣетъ систему, отличную почти отъ всѣхъ новѣйшихъ языковъ. — Подобно древнимъ, онъ отличается опредѣленными окончаніями въ падежахъ, и потому свободенъ въ перестановкѣ словъ по силѣ смысла или гармоніи; столько же или ещё болѣе измѣненъ въ глаголахъ; въ сложеніи и въ производствѣ обиленъ и

натуралемъ; какъ наслѣдственная отрасль Славянскаго, богатъ словами для всѣхъ родовъ слога: для высокаго, средняго и низкаго; живописенъ и простъ, какъ другіе языки, почитаемые первобытными: вотъ что даровала природа языку Россійскому. — Теперь спрашивается, что онъ получилъ отъ своего образованія?

Образованіе языка совершается вмѣстѣ съ образованіемъ народа: — но оно наипаче видимо въ Писателяхъ; ибо Словесность, какъ мы прежде сказали, есть знаменіе народныхъ успѣховъ политическихъ и нравственныхъ. — Сочиненія, на немъ написанныя, показываютъ его достоинства. — Всѣ правила объ немъ произтекаютъ изъ наблюденій долговременныхъ и многоразличныхъ, производимыхъ надъ сочиненіями. Въ семъ случаѣ Словесность платитъ свой долгъ языку, способствуя успѣшнѣйшему его образованію. — Какимъ образомъ родились, и исправлялись Грамматики, Риторики Греческія? — Гомеръ, Есхилъ, Софоклъ, Демосѳенъ, Ксенофонтъ, всѣ Философы, прочно утвердившіе сла-

ву свою между народомъ, находились предъ глазами наблюдателей-Грамматиковъ и Риторовъ. — Сочиненія золотаго вѣка, когда вкусъ и образованность достигли надлежащей степени, установляли цѣну каждому слову и каждому обороту: все что, что находилось въ классическомъ Авторѣ, слово или изрѣченіе получало нѣкоторымъ образомъ право гражданства, однако же не прежде, какъ будучи повѣрено и ограждено коренными началами языка, и сверхъ того разсмотрѣно, не зависитъ ли оно отъ временнаго измѣненія вещей, нравственныхъ или политическихъ; такъ на пр. примѣнивъ къ Рускому языку: не Татарское ли оно по происхожденію или образованію, не Польское ли или Французское? Симъ способомъ сохранялся языкъ въ своей благорожденной чистотѣ, богатствѣ и силѣ. — Теперь снова повторимъ вопросъ нашъ: что языкъ Россійской получилъ отъ образованія? какіе Авторы показываютъ его богатство, образованность, гибкость и опредѣленность? Такой вопросъ затруднителенъ. Ибо мы имѣемъ сочиненія, относящіяся только къ однѣмъ изящнымъ Наукамъ, и

но болѣе къ Стихотворству, нежели къ прозѣ. Мы не можемъ представить почти никакихъ подлинныхъ, и даже переводныхъ сочиненій, принадлежащихъ къ вышнимъ Философскимъ Наукамъ. Языкъ видимъ въ Писателяхъ. Гдѣ же Писатели сего рода, которые доказали бы преимущества его опытомъ? Языкъ самъ по себѣ мертвой капиталъ: онъ видимъ только въ оборотахъ. Гдѣ же сіи обороты? — Пусть онъ древенъ, — согласенъ; но должно думать, что древность его по многимъ политическимъ обстоятельствамъ до нѣкоего времени была продолжительнымъ младенчествомъ; потому что высшія науки и по сю пору не воспитали его до надлежащей зрѣлости. Единственно введеніе наукъ со временъ ПЕТРА Великаго, дипломатическія отношенія съ другими просвѣщенными Державами, и внутреннее устроеніе Государства, начали открывать намъ, какимъ обладаемъ мы сокровищемъ. — И съ сего благополучнаго времени болѣе и болѣе показывается намъ богатство и красота языка Россійскаго; ибо мы, не смотря на распространеніе политическихъ отношеній и своихъ

нуждѣ, не смотря на успѣхи просвѣщенія и наукъ, всегда находимъ слова и выраженія, хотя и неопредѣлительно ими пользуемся. — Протекло сто лѣтъ, и мы имѣемъ уже многихъ знаменитыхъ Писателей, обрабопавшихъ въ разныя времена нѣкоторые роды стихотворныхъ сочиненій. — Но сто лѣтъ очень малое время для того, чтобъ языкъ образовался для всѣхъ наукъ. — Стихотворцы, сколько бы они знамениты ни были, не совершаютъ еще великаго дѣла образованія языка. — По сю пору онъ извѣстенъ намъ только съ нѣкоторыхъ сторонъ. Можно сравнить въ настоящее время свѣдѣнія наши объ обширномъ языкѣ Россійскомъ со свѣдѣніями о пространной Россійской Имперіи. По сю пору различные ея климаты, ея безчисленныя произведенія, самые народы, ее населяющіе, нравы ихъ и обычаи знакомы намъ только поверхностно. *Лепехины*, *Крашенинниковы*, *Палласы*, *Мусины-Пушкины*, протекли только по общимъ путямъ сего обширнаго Океана; ихъ открытія, сколько ни важны, — по собственному признанію Наблюдателей, —

только начатки открытій. — Наши рукомесла, наши заводы, наши рудники, всѣ учрежденія, зависящія отъ даровъ природы, удовлетворяютъ не всѣмъ еще нашимъ нуждамъ; ибо многое заимствуемъ отъ иностранцевъ, хотя и чувствуемъ въ совѣсти своей, что, если бы употребили труды, все обрѣли бы въ своемъ домѣ. *Ломоносовы, Сумароковы, Херасковы, Державины, Петровы* то же въ Литературѣ, что Лепехины и его товарищи въ испытаніи природы. Они открываютъ намъ чудесное великолѣпіе языка; но они всѣ испытали только одинъ рудникъ: стихотворство; — мы не знаемъ его въ другихъ отношеніяхъ. У насъ нѣтъ Локковъ, Невтоновъ, Монтескьё, Дюмарсе, Кантовъ, Лавуазьеровъ. Въ самомъ обществѣ говорятъ по Французски; слѣдовательно мы не знаемъ его благородной простоты и гибкости; мы не имѣемъ еще образцовыхъ писемъ, не смотря на то, что принадлежимъ къ народу образованному. Говорятъ, что языкъ нашъ теперь *книжной*, а не *разговорной*, — но какого роду сіи книги? — Переводчики наши чу-

ствуютъ величайшую трудность, начавъ переводить что нибудь изъ книгъ философскихъ. Скажутъ, можетъ быть: это ихъ собственное неискусство! — но кто же обладалъ этимъ искусствомъ? — кто преодолѣлъ сію трудность? — Золотой вѣкъ Литературы и языка у всѣхъ народовъ чѣмъ отличался? — Тѣмъ, что въ одно время процвѣтали образцовые Писатели во всѣхъ частяхъ ея, во всѣхъ наукахъ. — Такіе вѣки имѣла Грецiя, Римъ, Италiя, Францiя. Мы его ожидаемъ.

Если мы столь необильны въ Писателяхъ различныхъ родовъ, то еще менѣе богаты въ наблюдателяхъ языка. У насъ по сію пору мало занимались *теоретическимъ* его *познанiемъ*. И непремѣнно должно быть такъ, когда еще м а л о произведенiй Словесности. Труды Ломоносова и Тредьяковскаго безсмертны. Но Россiйская Академiя, оказавшая незабвенныя услуги языку Россiйскому, скоро почувствовала, что Грамматика нашего Пиндара содержитъ въ себѣ много замѣчанiй объ языкѣ, но не

Грамматику, то есть не систему языка, представленную въ возможной простотѣ и ясности. — Сперва занялась Академія Словаремъ: дѣло славное; но, судя по времени, не такое, чтобъ оно могло быть окончаннымъ, или послѣднимъ. — Потомъ издана Грамматика, конечно хорошая; но въ ней не всѣ преодолѣны трудности; для этого потребно, можетъ быть, и другое время и многіе люди, кои бы, отвергнувъ быструю, льстивую славу Авторства, единственно одушевляемые любовію къ пользамъ Отечества, низошли въ мрачныя глубины языка Россійскаго, дабы проникнуть къ самому его источнику. — Это такой подвигъ, который требуетъ особливаго терпѣнія, трудовъ медленныхъ и скучныхъ, изысканій часто безплодныхъ, и наконецъ, что всего горше, не рѣдко награжденъ бываетъ убійственнымъ равнодушіемъ народа. Почтенный *Шишковъ* весьма хорошо доказываетъ намъ выразительность и богатство языка Россійскаго, какъ нарѣчія отъ Славянскаго. Слѣдуя за нимъ, мы можемъ со временемъ имѣть *синонимы*, или *сословы*, и слѣдовательно доставимъ

языку надлежащую опредѣленность, если притомъ — необходимое условіе — будемъ любить основательныя науки и заниматься ими. — Труды сего знаменитаго Мужа послужатъ началами хорошей Грамматики. Особливо должны мы обратить вниманіе на Синтаксисъ: онъ составляетъ самую запутанную часть ея. — Чтобы плѣнить насъ красотами языка Славянскаго, для того въ настоящее время, кажется, не довольно представлять слова отдѣльныя, сами по себѣ хорошія, но одичалыя уже для слуха свѣтскаго. — Публика прихотлива; надобно угождать ей и тогда, когда хотимъ ее научить. — Слово безъ связи, безъ отношеній, какъ бы оно выразительно ни было, остается непривлекательнымъ. — Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію моему, полезно бы было сдѣлать разборъ эстетической, на пр. книгъ Іова, нѣкоторымъ Пророкамъ, Пѣснямъ Моисея и пр. Плѣняясь мыслями возвышенными, великими, мы плѣнялись бы и словами, какъ ихъ одеждою, и языкъ обогащался бы самъ собою; ибо онъ принужденно обогащаться не можетъ. — Почему

бы не разобрать сочиненій нѣкоторыхъ нашихъ духовныхъ Отцевъ, съ тѣмъ, чтобъ показать, отъ какихъ посторонніихъ или внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ началъ удаляться языкъ Рускій отъ своего корня Славянскаго. Тогда бы открылось, въ какія времена сіе удаленіе случалось болѣе, въ какія менѣе, какое вліяніе имѣли на насъ тогда чужеземные народы, и какая была степень въ то время нашей образованности: — вотъ начала, на которыхъ, по моему мнѣнію, должно основывать судъ объ языкѣ и средства для его правильнаго обогащенія. Самое главное искусство въ семъ случаѣ то, чтобъ заставить любить Славянскія книги; полюбивъ ихъ, мы бы присвоили себѣ и слова и обороты лучшіе. — Къ нещастію, Славянской нашъ языкъ даже не входитъ въ планъ домашняго воспитанія! — Съ другой стороны часто погрѣшаютъ и нѣкоторые страстные любители языка Славянскаго. Что встрѣчаете въ ихъ сочиненіяхъ? Слова обветшалыя Славянскія вмѣстѣ съ простыми общенародными, и притомъ въ оборотахъ чужеязычныхъ, или сряду старой языкъ Славян-

ской, отъ котораго мы уже отвыкли. — Возмите оды и похвальныя Слова Ломоносова, и сравните ихъ съ нѣкоторыми нынѣшними стихотворными Славено-Россійскими сочиненіями. — Читая перваго, я не могу остановиться ни на одномъ словѣ: всѣ мои родныя, всѣ истаци, всѣ прекрасны; читая другихъ, останавливаюсь на каждомъ словѣ, какъ на чужомъ. — Согласитесь, М. Г. что Ломоносовъ также встрѣчалъ въ книгахъ церковныхъ: *толща, влаются, исподнѣйшія дрожди*, и тому подобныя; но онъ не употреблялъ ихъ. — Какъ же могъ другой, спустя 60 лѣтъ, надѣяться плѣнить сими словами публику, еще болѣе, въ продолженіе сего времени, удаленную отъ Славянскаго? какъ могъ онъ, говорю, того надѣяться, имѣя убѣдительнымъ примѣромъ Господина Петрова, въ которомъ безчисленныя красоты стихотворныя не могли замѣнить его излишней привязанности къ Славянскимъ оборотамъ и словамъ? — Поздно уже заставлять насъ писать языкомъ Славянскимъ; осталось: искусно имъ пользоваться. — Вотъ особливое достоинство Ломоносова! Всѣ Славяно-

но люди сіи необходимо нужны, и заслуживаютъ вѣчную благодарность, какъ отъ тѣхъ, которыхъ разбирали, такъ и отъ цѣлаго народа; ибо они имѣютъ предметомъ общую ихъ славу.

Отъ главныхъ сихъ замѣчаній объ языкѣ перейдемъ къ нашей Словесности. Я сказалъ уже, что разумѣю подъ симъ именемъ. Она заключаетъ сочиненія разныхъ родовъ, составленныхъ по свойственнымъ каждому изъ нихъ правиламъ, относительно къ предметамъ, характерамъ, намѣренію Автора, мѣсту, времени, читателямъ. Отсюда происходятъ особенныя правила для Поэмы, гдѣ Поэтъ разсказываетъ; для драмы, гдѣ представляетъ онъ вмѣсто себя дѣйствующія лица; для оды, гдѣ восторгъ его созидаетъ себѣ сцену; для елегіи, сатиры и проч. — Сказано также прежде, что Словесность наша не во всѣхъ своихъ родахъ обработана. Вѣроятно, по тому же самому имѣемъ мы и въ теоретическихъ ея познаніяхъ такой же недостатокъ, какъ въ теоретическихъ познаніяхъ языка. — Это яснѣе окажется изъ слѣдующей краткой ея исторіи.

Разсуждая о Словесности, непремѣнно должны мы обратиться ко временамъ ПЕТРА Великаго; ибо хотя прежде и процвѣтали Стихотворцы и Прозаики, но ихъ языкъ былъ Славянской, болѣе или менѣе испорченной, которой не входитъ въ планъ моей Рѣчи. — Притомъ, выключая немногихъ духовныхъ Отцевъ, то есть сочиненія повѣствовательныя и проповѣдническія, всѣ другіе роды были смѣшаны; ни одинъ изъ нихъ не опредѣленъ ни въ границахъ, ни въ свойствахъ: что составляетъ признакъ Литературы еще необразованной. Сіи творенія будутъ навсегда полезными, какъ памятникъ древняго языка; обиліе словъ благородныхъ, иногда слогъ, а паче предметъ, дѣлаютъ ихъ для насъ драгоцѣнными; но ни въ планахъ, ни въ ходѣ, ни въ цѣломъ онѣ образцовъ не составляютъ. — Со временъ ПЕТРА Великаго начала проясняться заря здравой Критики, которая часъ отъ часу болѣе и болѣе освѣщаетъ стихіи нашей Словесности. — *Тредьяковскій*, ученикъ славнаго Ролленя, первой Россійской Профессоръ, прежде всѣхъ обратился къ сему новому поприщу. Пріі-

ѣхавъ изъ чужихъ краевъ, обогащенный многими познаніями, наблюдавшій долго Литературу Французскую въ то время, когда была она уже въ высокой степени совершенства, онъ засталъ въ Россіи еще грубой Славяно-Польской языкъ въ ученыхъ; а въ публикѣ — неготовность, помогать Писателямъ своею разборчивостію. Онъ рѣшился давать правила и примѣры, и имѣлъ при Дворѣ званіе придворнаго Стихотворца. Въ сочиненіяхъ его видно, при грубости слога, неизвѣстное прежде искусство, принаравливаться къ предметамъ, мѣсту и времени; онъ говоритъ объ единствѣ, о дѣйствіяхъ, объ характерѣ; — онъ переводитъ Піитику *Боало Делрео*; — короче сказать: если въ немъ не было человѣка съ великимъ талантомъ, то онъ былъ уже просвѣщенный Учитель Литературы. При многихъ сочиненіяхъ приложены ученыя размышленія о правилахъ Піитики; въ самой Деидаміи есть завязка и развязка. — По моему мнѣнію, и въ слогѣ заслуживаетъ извиненіе Тредьяковскій: грубость языка не столько ему принадлежитъ, сколько времени. Сравните стихи, можетъ

быть, излишне порицаемой Телемахиды съ другими его вѣка, и скажите, кто писалъ лучше? — Изобрѣтеніе правильнаго каданса въ стихахъ ему принадлежитъ неоспоримо. Въ сатирахъ Кантемира видѣнъ только одинъ счетъ стопъ: Боало вмѣстѣ съ Французскимъ стопосложеніемъ весьма ярко въ немъ отражается. Въ то время, какъ Ломоносовъ въ Германіи прилѣпился къ Гинтеровымъ ямбамъ и одамъ: Сумароковъ въ Петербургѣ обработывалъ хореи Тредьяковскаго. — Мы увидимъ, сколь ощутительное вліяніе произвели на Литературу нашу различные характеры двухъ великихъ современныхъ Стихотворцевъ. — Ломоносовъ не столько былъ свѣдущъ во Французской Словесности, сколько въ Нѣмецкой, которая въ то время находилась въ посредственномъ состояніи, обремененная игомъ педантства. Разсмотрите же оды Ломоносова: въ нихъ примѣтенъ какой-то ученой и нѣсколько холодной для оды порядокъ. — Сумароковъ пошелъ по другой дорогѣ, и, можетъ быть, слишкомъ уже много привязанъ къ Французскимъ Писателямъ. — Сумароковъ и Ломо-

носовъ въ свое время были двѣ самодержавныя власти въ царствѣ нашей Литературы; они раздѣляли стороны любителей Словесности; на нихъ смотрѣли суевѣрными глазами: доказательство, что геній ихъ утекъ гораздо далѣе, нежели образованность народа; ихъ никто не могъ судить: очень немногіе понимали. Но Писатель не въ силахъ усовершенствовать своего дарованія, если публика не можетъ разбирать, судить его творенія. — Мирное царствованіе Елисаветы, а особливо блистательный вѣкъ ЕКАТЕРИНЫ, много способствовали распространенію вкуса и Словесности. — Устроенный Дщерію Петровою Университетъ началъ процвѣтать. — Народныя Училища, воздвигнутыя Законодательницей Сѣвера, разсѣяли сѣмена просвѣщенія по всей Россіи. Прежде сего Литература была удѣломъ и наслажденіемъ нѣкоторыхъ частныхъ людей: примѣръ мудрыя Государыни отверзъ ей врата въ публику. — Дворъ и Столицы занимались чтеніемъ иностранныхъ и своихъ Писателей. Ученыя свѣдѣнія раздражили честолюбіе; вкусъ потребовалъ пищи. Явились переводы, журналы;

всѣ извѣстныя поэмы, многія учебныя книги, лучшіе романы переложены на языкъ Россійской, и принадлежатъ къ среднимъ лѣтамъ царствованія Государыни; составились литературныя Общества; не щадили издержекъ на изданія. — Книжныя лавки наполнены произведеніями сего времени. Жаль, что новорожденные пустые романы часто тѣснятъ и гонятъ съ полокъ старыхъ почтенныхъ дѣтей литературной ревности, и даже не рѣдко переводной Камоенсъ, Мильтонъ, Телемахъ, или Гомеръ служатъ обверткою вялыхъ уродовъ Дюкредюменили! — Что постоянно подъ солнцемъ? Когда человѣкъ шествовалъ къ цѣли своей твердою стопою? когда выбиралъ онъ стезю надежную и кратчайшую? — Духъ народа, наклонности, удовольствія, роскошь, имѣютъ вліяніе на всѣ дѣла его, слѣдовательно и на Литературу. — Слава оружія, богатство, почести, благоденствіе обыкновенно охлаждаютъ стремленіе къ прочному образованію, къ изобрѣтеніямъ, къ новостямъ; охлаждаютъ ревность къ трудамъ; — изящныя Науки тогда служатъ не важнымъ занятіемъ, но роскош-

ною прихотью. — Обилїе въ переводахъ довело насъ конечно до разборчивости; но сїя разборчивость весьма ограничена: она относится только къ нѣкоторымъ наружнымъ свойствамъ слога, какъ то, гладкости и легкости, и вскорѣ, не будучи поддерживаема внутреннею силою, производитъ въ немъ слабость и вялость. — И что можетъ быть другое тогда, когда основательная теорїя изящныхъ Наукъ неизвѣстна, когда мы незнакомы съ главными образцами, когда не подозрѣваемъ даже, что начала Литературы составляютъ науку обширную и глубокую, требующую прудовъ и тщанїя, когда Аристотеля, перекрестивъ въ Аристота, почитаемъ Французомъ! — Самый высшїй классъ народа смотритъ на Ученыхъ — съ милостивою гордостїю. Онъ ставитъ ученье ниже своего сана. Но надобно очень хорошо знать Литературу, чтобы умѣть наслаждаться ею и распространять свои наслажденїя! — Богатая праздность и невѣжественная гордость, чувствуютъ нужду въ занятїи, любятъ забавы Словесности; но для чего? для разсѣянїя, и по странному честолюбїю хотятъ казаться

въ нихъ свѣдущими. Въ такомъ состоянiи люди обыкновенно обращаются или на легчайшiя поверхностныя удовольствiя, или на все то, что въ первой разъ встрѣтится. — Пѣсенки, мадригалы, исторiйки, романы привязываютъ къ себѣ всѣхъ, какъ важное дѣло, и никто не думаетъ, чтобъ можно было въ другомъ родѣ написать что нибудь хорошее. — Переводчики бросаются въ романы; Авторы въ сочиненiя путешествiй; книгопродавцы не хотятъ и въ руки взять книги, имѣющей важное заглавiе. — Въ такомъ состоянiи часто бываетъ Литература, не подкрѣпляемая науками, или отступившая отъ настоящей стези своей! . . . .

Но волненiя въ Литературѣ и вкусѣ, какъ волненiя въ природѣ, рано или поздно приносятъ свою пользу. — Мы уже начинаемъ ее чувствовать. — Новое образованiе Университетовъ при благополучно царствующемъ ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ, новой порядокъ ученiя, преподаванiе всѣхъ родовъ основательныхъ Наукъ, преимуще-

ства; которыми отличены Ученые, волѣ Правительства; чтобы каждый, обязанный служеніемъ Отечеству, имѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ языкѣ и Словесности: все это сдѣлало примѣтное вліяніе на нынѣшнюю Литературу. — Наконецъ начинаютъ познавать критику полезной и необходимой. Сочиненія сдѣлались разнообразнѣе; роды ихъ болѣе отличены; удовольствія вкуса чище и нѣжнѣе. — Осталось желать, чтобы ученыя мѣста и ученыя Общества споспѣшествовали сему стремленію народа переводами и сочиненіями потребныхъ книгъ и разборомъ лучшихъ образцовыхъ Писателей.

Чтобы яснѣе видѣть настоящее положеніе нашей Литературы, позвольте мнѣ здѣсь кратко пробѣжать твореніи знаменитѣйшихъ Писателей, наиболѣе споспѣшествовавшихъ ея успѣхамъ. Слава и достоинства ихъ уже опредѣлены. Я только желаю намекнуть; съ какой стороны должно смотрѣть на нихъ, дабы сдѣлались они сугубо для насъ полезными. — Я стану говорить теперь объ однихъ только Спи-

хотворцахъ, предоставляя себѣ въ другое время разсмотрѣть сочиненія тѣхъ, которые отличили себя въ прозѣ.

Начнемъ лирическими стихотвореніями. Сей родъ Поэзіи есть самой обширной: гимны, оды, пѣсни, даже элегія къ нему относится. — Ода свободна въ своихъ порывахъ, какъ плодъ восторга; но при всемъ томъ имѣетъ весьма строгія правила.

Въ сочиненіяхъ Князя *Кантемира* находимъ мы нѣсколько пѣсенъ или одъ философскихъ, которыя всѣ суть подражанія одамъ Гораціевымъ. — Оды и отрывки *Тредьяковскаго* служатъ доказательствомъ, что онъ былъ Мужъ ученый, но не умѣлъ сохранить приличій вкуса; что онъ зналъ источники украшеній, но не зналъ, какъ употреблять ихъ. Слава оды принадлежитъ ко временамъ Ломоносова и Сумарокова.

Сумароковъ послѣ Симеона Полоцкаго переложилъ всѣ Псалмы Давидовы, кото-

рые находятся въ его сочиненіяхъ, раздѣленные на 20 книгъ. Такое изобиліе само по себѣ подозрительно. Въ большей части Псалмовъ не соблюдено, кажется, высокаго достоинства сего вдохновеннаго Пѣснопѣвца. Нѣкоторые Псалмы писаны размѣромъ и слогомъ басенъ, и притомъ слогомъ басенъ Сумарокова. — То же можно сказать и о другихъ духовныхъ его сочиненіяхъ и преложеніяхъ.

Торжественныхъ и философскихъ одъ написалъ онъ около 70. Здѣсь является уже славный Стихотворецъ, не рѣдко сохраняющій важность своихъ предметовъ. — Слогъ его менѣе важенъ, менѣе величественъ, менѣе цвѣтущъ, нежели у Ломоносова; но за то, если смѣю сказать, имѣетъ болѣе движеній, чувства, разнообразія. — Почти всѣ оды его короче одъ Ломоносова, и потому планы ихъ простѣе и легче. Въ нихъ менѣе обнаруживается искусство Поэта; нѣтъ съ трудомъ приведенныхъ эпизодовъ, или отступленій; рѣже встрѣчаются принужденные восторги: онъ всегда стремителенъ и

пылокъ. Ломоносовъ — орелъ, парящій въ небесахъ медленно, стройно и важно. — Сумароковъ подобенъ птицѣ, всегда почти летающей надъ поверхностью земною, и въ оборотахъ разнообразнѣйшихъ и быстрѣйшихъ достигающей своей цѣли. Сумароковъ оставилъ великое множество пѣсней и хоровъ; почти всѣ низки въ слогѣ и въ мысляхъ, — всѣ забыты.

Къ элегіямъ своимъ Сумароковъ приложилъ слѣдующій эпиграфъ:

Прошливѣе всего элегіи притворство,
И хладно въ ней всегда безъ страсти стихотворство;
Колико мыслію въ него ни углубись,
Коль хочешь ты писать, такъ прежде ты влюбись.

И виноватъ противъ него въ каждой строкѣ!

Заслуги *Ломоносова* языку и Литературѣ безсмертны. — Въ его сочиненіяхъ съ сладостнымъ изумленіемъ замѣтили Россіяне въ первой разъ богатство, пышность, великолѣпіе языка своего, искусно

соединеннаго съ Славянскимъ. Жизнеописатель его, Г. Профессоръ Поповскій говоритъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела первая ода его при Дворѣ Императрицы Анны. Всѣ нашли новый языкъ, новыя слова, новые звуки; чувствовали, что они ихъ родныя, и дивились, почему они прежде ихъ не знали. Ихъ удивленіе справедливо. Ибо и теперь — дерзну сказать откровенно — никто не сравнялся съ Ломоносовымъ въ высокости слога, въ очаровательномъ соединеніи словъ Славянскихъ съ Россійскими, въ оборотахъ сильныхъ и краткихъ. — Онъ долженъ быть первою любимою книгой питомца Музъ. — Онъ написалъ 18 одъ. Въ первыхъ гораздо болѣе пылкости воображенія, болѣе огня, нежели въ послѣднихъ. Сіи послѣднія гораздо исправнѣе, покойнѣе и холоднѣе. — Вообще въ одахъ Ломоносова часто обнаруживается искусной Ораторъ, располагающій оду свою по правиламъ рѣчи или разсужденія; часто строфы связываются холодными выраженіями: *но се! но что я зрю! — но горы и поля, скачите! ликуйте множества озеръ!* — Таковыя частыя и незапныя обращенія къ

предметамъ бездушнымъ разрушаютъ очарованїе. — Но если будемъ разбирать каждую строфу особенно — какая высота! сила! стремительность! — Въ каждой одѣ срѣтаете вы отрывки истинно безсмертные, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ нашей Поэзїи! — Жаль, что Ломоносовъ писалъ на одни предметы — талантъ его былъ стѣсненъ: оды всѣ однообразны. Самой способъ — (введенїе историческихъ лицъ и эпизодовъ) — доставить имъ разнообразїе, всегда одинъ и тотъ же. Надобно замѣтить, что стихотворство при другихъ занятїяхъ сего великаго Мужа было отдохновенїемъ. — Любя славу Ломоносова, не льзя не сожалѣть также и о томъ, что онъ писалъ однѣ торжественныя оды; ибо онѣ не могутъ быть занимательны для иностранцевъ; напротивъ того нравоучительныя переводятся на всѣ языки; онѣ прїятны для всѣхъ народовъ драгоцѣнными всеобщими истинами, въ нихъ заключенными. — Прелести языка для насъ, мысли для всѣхъ. Такова судьба нѣкоторыхъ одъ Горацїя! — Это важный урокъ для Стихотворцевъ. — Человѣкъ всего занимательнѣе для чело-

вѣка. — Воспѣвайте его добродѣтели, его страсти, слабости, щастїе и нещастїе: вотъ вѣрный способъ избѣгнуть забвенїя.

Въ преложенїяхъ Псалмовъ, Ломоносовъ чувствовалъ высоту и паренїе Св. Писанїя болѣе, нежели Сумароковъ, и лучше выражалъ ихъ.

Оды *Петрова* прекрасны. — Онѣ отличаются отъ всѣхъ другихъ какою-то полнотою мыслей сильныхъ и краткихъ. — Петровъ Стихотворецъ — Философъ. Можетъ быть, онъ стоялъ бы наравнѣ съ Ломоносовымъ, если бы слогъ его не былъ грубѣе и жестче. — Впрочемъ онъ исполненъ картинъ превосходныхъ, написанныхъ пламенною кистїю! — Ломоносовъ хвалитъ очень открыто и просто; Петровъ имѣлъ особенное искусство хвалить. Еще замѣтимъ, что и языкъ его не вездѣ шероховатъ. Есть цѣлыя оды, написанныя гладкими, гармоническими стихами.

Къ безсмертнымъ памятникамъ ЕКАТЕРИНИНА вѣка безъ сомнѣнїя принадле-

жатъ пѣснопѣнія *Державина.* — Громкія побѣды на морѣ и на сухомъ пути, покореніе двухъ царствъ, униженіе гордости Оттоманской Порты, столь страшной прежде для Европейскихъ Государей, преобразованіе Имперіи, законы, гражданская свобода, великолѣпныя торжества, просвѣщеніе, тонкій вкусъ, — все это было сокровищемъ для генія Державина. Онъ былъ Горацій своей Государыни. Въ его твореніяхъ описывается самая домашняя жизнь и времяпрепровожденіе Императрицы, мѣста, гдѣ Она гуляла въ часы отдохновенія, гдѣ засѣдала съ Мудрецами, дабы рѣшить судьбу народовъ, гдѣ забавлялась играми Своихъ приближенныхъ. Все это и теперь кажется для насъ волшебнымъ! Пѣсни Державина будутъ драгоцѣнны для Рускаго вмѣстѣ съ славою ЕКАТЕРИНЫ, съ славою Румянцова, Орлова, Суворова и другихъ знаменитыхъ людей Ея времени.

Можетъ быть, о Державинѣ скажутъ нѣкоторые то же, что сказалъ Квинтиліанъ объ Овидіи: Nimius sui ingenii amator. Кажется, онъ иногда слишкомъ увле-

кается своимъ воображенїемъ. Нашъ Поэтъ, подобно Пиндару, полною рукою разсыпаетъ сапфиры, яхонты, брилїанты тамъ, гдѣ энергическїя мысли его, какъ чистое золото, блещутъ сами собою, и не имѣютъ нужды ни въ какихъ украшенїяхъ. Державинъ — великїй живописецъ. Краски его ярки и свѣжи, но не всегда бываютъ располагаемы нѣжною рукою, не всегда слиты, не всегда въ мѣрѣ; какъ роскошной богачь, онъ ихъ кидаетъ, а не всегда располагаетъ съ заботливостїю художника: таковъ полетъ генїя! — Впрочемъ есть оды, которыя могутъ служить образцомъ чистоты и правильности расположенїя. Характеръ одъ Державина по большой части правоучительной; онъ оставилъ тѣсную стезю Ломоносова. Онъ хвалитъ, укоряетъ и учитъ. — Онъ писалъ оды духовныя, героическїя, философскїя, Анакреонтическїя. Во всѣхъ его твореніяхъ встрѣчаются многїя новыя, составленныя имъ слова, которыя столь прекрасны въ его стихахъ, и столь смѣшны у его подражателей: онъ взялъ также много гармоническихъ собственно Рускихъ словъ,

которыя забыты были, или отъ всенароднаго употребленія казались низки для Поэзіи. Объ сіи золотыя руды остались собственностію Державина, отъ неискусства ли другихъ Стихотворцевъ, или отъ того, что болѣе свойственны духу Рускаго Барда; — онъ даютъ какую-то особенную новость его твореніямъ. — Ломоносовъ всегда рабъ своего предмета; Державинъ управляетъ имъ по своей волѣ. — Первый всегда равенъ въ своемъ паренія; другой, подобно молніи, поражаетъ вдругъ, и часто скрывается отъ своего читателя. — Одного можно уподобить величественной рѣкѣ, текущей постоянно въ берегахъ своихъ; другой уподобляется водопаду, имъ самимъ описанному, между камнями стремящему ярыя волны свои, всегда свободному, придающему нѣкоторую дикость самой природѣ. Ломоносовъ въ слогѣ болѣе чистъ, болѣе точенъ, — бережливѣе, связнѣе; Державинъ цвѣтнѣе, разнообразнѣе, роскошнѣе. — Онъ возвышаетъ духъ нашъ, и каждую минуту даетъ чувствовать благородство своего духа; но въ мысляхъ его бываетъ иногда болѣе блеску,

нежели вѣрности. Первыя оды его Анакреонтическія гораздо прелестнѣе, нежели послѣднія.

Оды *Хераскова*, при свойственной сему знаменитому Писателю чистотѣ и гладкости стиховъ, всѣ почти спокойны, не имѣютъ быстрыхъ порывовъ, не дышутъ пламенемъ лирическимъ. — Судьба наградила его трубою военною.

Оды *Дмитріева* изящны, хотя не столь живописны, какъ Ломоносова и Державина. Онъ отличается особливою исправностію слога. Пѣсни его лучше всѣхъ на нашемъ языкѣ. Онъ точно нашелъ этотъ затѣйливой, легкой образъ выраженія, которой составляетъ прелесть пѣсъ сего рода. Но мы до тѣхъ поръ не будемъ имѣть ни пѣсенъ, ни писемъ въ большемъ количествѣ, пока прекрасной полъ не рѣшится сдѣлать чести языку отечественному своимъ разговоромъ.

Кто не любитъ заунывной, а иногда величественной лиры *Капниста*! —

Голенищевъ-Кутузовъ, *Нелединскій-Мелецкій*, *Костровъ*, *Майковъ*, *Николевъ*, *Бобровъ*, *Долгорукой* и другіе весьма много обогатили нашу лирическую Поэзію. Первый сверхъ того познакомилъ насъ съ Пиндаромъ, Греемъ, Сафою и Гезіодомъ.

Я не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ лирическихъ твореніяхъ Господина *Карамзина*. — Буду имѣть случай болѣе распространиться о достоинствахъ сего почтеннаго Мужа, при разсмотрѣніи прозаическихъ нашихъ Писателей. — Перейдемъ къ *Поэмѣ* и *Драмѣ*.

Мы Русскіе весьма холодны, весьма нелюбопытны къ твореніямъ, имѣющимъ предметомъ своимъ нашу славу. У насъ есть *Россіяда*, *Владиміръ*: двѣ Поэмы, которыхъ содержаніемъ самыя важнѣйшія произшествія нашей Исторіи. — Большая часть Русскихъ знаютъ только по имени ту и другую Поэму, между тѣмъ какъ Генріаду учатъ наизусть; разсказываютъ торжественно содержаніе всѣхъ Волтеровыхъ трагедій, а никто не говоритъ о томъ, въ чемъ состоитъ завязка отечественной Поэмы, какіе главные

узлы ея, въ чемъ чудесность; интересъ; какіе въ ней характеры! и — что всего горше! — почитаютъ Тѣнь великаго Мужа оскорбленною, если кто обратитъ на его твореніи испытательные взоры! . . . . .

Россіяда состоитъ изъ 12 пѣсней; Владиміръ изъ 18. Кажется, для насъ труднѣе сочинять Поэмы, нежели для древнихъ: они имѣли миѳологію и право; поступать съ своими богами, какъ угодно. Оживотвореніе страстей, какъ махинъ чудеснаго, всегда будетъ холодно: это фигуры риторическія, а не боги. Послѣ Волтера *Херасковъ* старался испытать сей способъ; но онъ вообще недостаточенъ въ томъ и другомъ Писателѣ. — Сверхъ того въ Россіядѣ вымышленныя силы не всегда опредѣлены, не всегда дѣйствуютъ по одному плану къ одной цѣли: это призраки, которые являются и изчезаютъ мгновенно, и часто безъ нужды. Характеры почти всѣ однообразны. — Главный узелъ ослабленъ: Казань пала отъ собственныхъ неустройствъ; а тѣмъ самымъ у побѣды Іванновой отнята надлежащая важность. — Сія Поэма будетъ имѣть всегда свою цѣну по обилію

картинъ трогательныхъ, живописныхъ, по стопосложенію гладкому, чистому, благородному, по богатству эпизодовъ, хотя они иногда вредятъ единству дѣйствія; по важности самаго содержанія, наконецъ по цѣли Автора нравоучительной и высокой. Во *Владимірѣ* еще болѣе прекрасныхъ описаній и картинъ: — это достоинство предмета. Херасковъ часто водитъ читателя по путямъ, по рощамъ и храмамъ таинственнымъ, и оживотворяетъ непостижимые догматы религіи. Явленіе совѣсти — въ образѣ дѣвы, разума — въ видѣ старика, которые напомнили о себѣ и изчезли — не можетъ произвесть очарованія. Походы Всеволодовъ и Рогдаевъ утомительны, какъ продолжительныя аллегоріи, которыхъ весьма много. Сверхъ сихъ Поэмъ, Гомеръ Россійской написалъ еще прекрасную Поэму *Чесмесской бой*, *Вселенную*, *Плоды наукъ* и пр. Онъ есть одинъ изъ обильнѣйшихъ нашихъ Стихотворцевъ.

О безцѣнномъ твореніи, извѣстномъ подъ названіемъ *Душеньки*, не говорю ни слова; всѣ его знаютъ наизусть. Переводныя Поэмы у

насЪ важнѣйшія: часть Гомеровой Иліады, Энеида, Телемахида, Юнговы Ночи, нѣкоторыя пѣсни Овидіевыхъ превращеній, переведенныя Майковымъ, оставившимъ намъ нѣсколько комическихъ Поэмъ.

Мы чрезвычайно богаты драматическими твореніями. — Изданіе, подъ названіемъ: *Театръ Россійской*, если бы было продолжаемо, составило бы теперь томовъ 100 и болѣе. — Но количество — не достоинство. Нынѣ изъ сего изданія ничего почти не играютъ.

Не возможно не возчувствовать удивленія, разсматривая чрезвычайные шаги Сумарокова въ успѣхахъ драмы. Представьте съ одной стороны нравоучительныя зрѣлища объ Олофернѣ при Царевнѣ Софіи и Дендамію, а съ другой въ такомъ близкомъ разстояніи Семиру, Синава и Трувора! — Сравните съ сими драматическими твореніями современныя творенія Ломоносова — Демофонта, Селима и Темиру: — вотъ точка, съ которой геній Сумарокова является въ самомъ блистательномъ видѣ. —

Дѣйствіе, характеры, катастрофы порядочно расположенныя: — все это было сотворено для Рускихъ Сумароковымъ; и въ то время, когда Рускіе цѣнить его достоинствъ были не въ состояніи; какъ самъ онъ жалуется въ предисловіи своемъ къ Димитрію Самозванцу. Пусть говорятъ, что Сумароковъ подражалъ: это не унизительно. Геній-подражатель отъ простаго подражателя отличается тѣмъ, что онъ умѣетъ выбрать изящнѣйшее для подражанія, и даетъ подражанію живой видъ подлинника. Сумароковъ не переводилъ, какъ Княжнинъ; но онъ, почувствовавъ въ иностранныхъ Писателяхъ изящность расположенія, завязокъ и развязокъ, характеровъ, старался сіе искусство перенесть на свой театръ, и сохранялъ правила, которыя священны для народа образованнаго, тогда какъ мы, цѣлымъ полувѣкомъ отъ него удаленные, съ дикостію выслушиваемъ ученое слово: *дѣйствіе*, и не думая объ немъ, пишемъ драмы. — Въ Семирѣ и Хоревѣ легкость и краткость изложенія, быстрота дѣйствія, интересъ, завязка, характеры — все истинно траги-

ческое. Странно покажется, что Димитрій Самозванецъ, слабѣйшее между другими твореніе, удержалось на театрѣ долѣе, нежели Семира, Синавъ и Труворъ. — Можетъ быть; этому причиною — приближенность произшествія, и хорошіе актеры, любившіе сію піэсу. Какъ бы то ни было, Сумароковъ заслуживаетъ, чтобъ лучшія піесы его были разобраны съ большимъ вниманіемъ. Онъ можетъ быть и теперь полезенъ еще многимъ нашимъ трагикамъ въ искусствѣ расположенія. Отъ чего упали трагедіи Сумарокова? — Причина: — устарѣлой языкъ и неблагородство разговора, которой часто бываетъ ниже комическаго. Чтобы чувствовать ходъ дѣйствія и завязку, для этого потребно вниманіе зрителя просвѣщеннаго. — Низость и непристойность разговора чувствуетъ всякой. Слогъ — великое дѣло. — „Чѣмъ лучше я Прадона? говорилъ Расинъ. Тѣмъ, что лучше умѣю писать.“ — Такимъ образомъ забытый на театрѣ Сумароковъ сталъ существовать только для однихъ Литераторовъ; какъ первое лицо въ исторіи Россійской драмы:

О комедіяхъ его не скажу ни слова. Онѣ всѣ показываютъ младенчество искусства.

Мѣсто Сумарокова занялъ родственникъ и ученикъ его *Княжнинъ*. Въ его трагедіяхъ слогъ чище, благороднѣе, возвышеннѣе, нежели въ трагедіяхъ Сумарокова. — Нѣтъ столь неприличныхъ и частыхъ обращеній къ предметамъ бездушнымъ, или *къ устамъ, рукамъ, слезамъ, очамъ*; но за то онъ впадаетъ въ противную погрѣшность. — Слогъ его бываетъ часто холоденъ, напыщенъ, несвободенъ: онъ терялся въ подробностяхъ, и не умѣлъ себя останавливать; ему хотѣлось быть вездѣ высокимъ: въ одной сценѣ Росслава помѣстилъ онъ всѣ высокія слова, разсѣянныя въ разныхъ трагедіяхъ Корнеля, Расина и Волтера. Онъ подражалъ всѣмъ Французскимъ Трагикамъ вмѣстѣ, или лучше, переводилъ изъ нихъ. — Это — не Сумароковъ! — Почти ни одинъ планъ, ни одинъ характеръ, ни одинъ монологъ совершенно не принадлежитъ ему. Во Владисанѣ большая часть Меропы, часть Заиры и другихъ Волтеровыхъ трагедій. —

Витязарь, Вамирь, Пальмира, сынь ея, то же, что Полифонтъ, Евриклесъ, Меропа, Егистъ, и пр. — Ярополкъ, Владимїрь, Рогнеда, Клеомена то же, что Орестъ, Пирръ, Гермїона, Андромаха. Пылкая ревность Орозмана присвоена Владисану, и такъ далѣе.... Вотъ это значитъ подлинно *перекладывать на Рускїе нравы!* Между комедїями его есть нѣкоторыя прекрасныя. — *Чудаковъ* и *Хвастуна* можно поставить не далеко отъ безсмертныхъ *Недоросля* и *Бригадира* Фон-Визина.

Послѣ Княжнина трагедїя наша долго была въ нѣкоторомъ усыпленїи. — Нѣмецкїя драмы наводнили театръ. Коцебу переведенъ весь; Русалка волшебнымъ своимъ жезломъ окаменила Сумарокова, Княжнина, драмы Хераскова, славныя комедїи Фонъ-Визина, экивоки Клушина. — Но *Озеровъ* разрушилъ очарованїе, — и снова обратилъ вкусъ публики на предметы важнѣйшїе. — Красота слога въ его трагедїяхъ составляетъ главное достоинство; планы не вездѣ щастливы, характеры не вездѣ поддержаны; въ нравахъ соблюдена не всегда

надлежащая точность. — Если бы на пр. Авторъ подражалъ Эдипу Софоклову, а не Дюсисову, тогда бы планъ его былъ стройнѣе, и Греки дѣйствовали бы по-Гречески. Подражая второкласнымъ Писателямъ, мы часто подражаемъ погрѣшностямъ въ разсужденіи времени и характеровъ.

Озеровъ возбудилъ соревнованіе въ питомцахъ Мельпомены. — Какое множество трагедій родилось въ протекшемъ году! — Но всѣ онѣ имѣютъ болѣе эпическаго достоинства, нежели драматическаго. Слогъ хорошъ: недостатокъ теоріи вездѣ чувствителенъ. Довольно о драмѣ.

Въ Эклогахъ мы образцовъ не имѣемъ. — Бѣдной учитель Литературы, говоря въ классѣ о семъ родѣ сочиненій, не знаетъ, что представить въ примѣръ; ибо неблагопристойныя Сумарокова Эклоги не могутъ быть читаны ни по какимъ отношеніямъ.

Сатира наша также не въ цвѣтущемъ еще состояніи. — Исправность слога, острота ума Кантемирова заслуживаютъ

все уваженіе. — Но будутъ ли его читать тѣ, которые привыкли къ гармоніи стиховъ новѣйшихъ, къ языку очищенному? Сумароковы сатиры не пріобрѣли особеннаго вниманія. — Въ послѣднее время показались нѣкоторыя весьма удачныя сочиненія въ семъ родѣ; но онѣ не изданы и по большей части въ рукописяхъ, а потому и говорить объ нихъ ничего не можемъ.

Мы очень богаты Притчами. — *Сумароковъ* нашелъ ихъ среди простаго, низкаго народа; *Хемницеръ* привелъ ихъ въ городъ; *Дмитріевъ* отворилъ имъ двери въ просвѣщенныя, образованныя общества, отличающіяся вкусомъ и языкомъ. Басни *Крылова* заслуживаютъ также все уваженіе.

Кромѣ упомянутыхъ мною здѣсь Авторовъ есть еще многіе, обратившіе на себя истинными достоинствами справедливое одобреніе публики. Нѣкоторые изъ нихъ почтили наше Общество своимъ именемъ и трудами; другіе уча-

ствуютъ въ занятіяхъ знаменитой *Бесѣды*. — Но краткость времени не позволяетъ мнѣ продолжать далѣе свое Разсужденіе. Я ограничилъ себя тѣми Писателями, которые имѣли вліяніе на ходъ Россійской Словесности, и которыхъ сочиненія изданы вполнѣ. Замѣтить вообще должно, что никогда отличные таланты и соревнованіе не являлись въ такомъ обильномъ количествѣ, какъ нынѣ: — вѣрный знакъ повсемѣстно распространяющагося просвѣщенія и любви къ наукамъ. — Слава вѣку АЛЕКСАНДРА! — Слава благонамѣренному Правительству! —

Изъ сего краткаго описанія Словесности нашей, М. Г., — Вы уже видите, чего намъ желать надобно, и какія средства употребить должно къ распространенію изящнаго во всѣхъ родахъ. — Что касается до языка, то пусть течетъ онъ своимъ путемъ. — Когда будетъ пламенѣть любовь отечественная, когда національная гордость возвысится, когда благоденствіе наше продолжится неизмѣнно, тогда и языкъ не потеряетъ наслѣдственныхъ красотъ своихъ. — Работы его медленны, и зависятъ

отъ времени; одно главное правило — *полюбить его.* — Въ отношеніи къ Словесности, видите вы, что мы имѣли и имѣемъ знаменитыхъ Писателей; но она по сію пору не достигла еще надлежащей степени образованія. Большую часть молодыхъ нашихъ Писателей можно сравнить съ прекрасными пѣвцами, которые поютъ не столько по правиламъ искусства, сколько по слуху, съ голоса. — Въ талантахъ Россія изобильна; нужно ученье. — Ученье имѣетъ двѣ отрасли: *правила* и *образцы.* Въ правилахъ, или вообще въ курсахъ Словесности имѣемъ величайшій недостатокъ. У насъ нѣтъ ни одного полнаго курса Словесности; — три только извѣстныя Риторики: Ломоносова, Преосвященнаго Амвросія, Рижскаго; — всѣ, какія есть; Піитики заключаютъ правила о стихосложеніи, а не о существѣ и родахъ Поэзіи. — Не говорю о другихъ учебныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ для нѣкоторыхъ частныхъ Училищъ. — Въ разсужденіи образцовъ, должно признаться, что мы не тамъ ихъ ищемъ, гдѣ должно. — Французская Литература безъ сомнѣнія воз-

вышена до возможной степени совершенства : — но Французы сами подражали ; притомъ въ подражаніи своемъ принаравливались къ своему времени, ко вкусу, столь непостоянному, къ обстоятельствамъ, столь многоразличнымъ ! — По чему намъ, для сохраненія собственнаго своего характера и своей чести, не почерпать сокровищъ чистыхъ, неизмѣненныхъ, изъ той же первой сокровищницы, изъ которой они почерпали? — по чему намъ также безпосредственно не пользоваться наставленіями ихъ учителей, Грековъ и Римлянъ ? По чему гордимся быть подражателями часто слабыхъ подражателей, имѣя способности и силы снимать съ самыхъ подлинниковъ ! Я уже не говорю о томъ, что всего хуже, о томъ, что подражая твореніямъ живаго народа, имѣющаго съ нами сношенія, подражаемъ нечувствительно его нравамъ и обычаямъ, и теряемъ свой характеръ и свою національную гордость, которую можно назвать основаніемъ и опорою народной славы, — короче : сами творимъ себѣ умственное рабство ! ! ! Пагубное предразсужденіе ! или паче,

нерадѣніе, влекущее за собою нещастныя слѣдствія! Подражайте Французамъ въ трудахъ, въ изысканіяхъ, въ неутомимости; занимайтесь изученіемъ древнихъ Писателей, также, какъ они, — и вы достигнете желаемой цѣли.

При семъ случаѣ невольно приближились мы къ Критикѣ. — Ее можно назвать матерью и стражемъ вкуса. — Къ нещастію, она была у насъ въ великой немилости; ее представляли въ видѣ страшномъ, въ видѣ открытой брани. — Въ семъ случаѣ отчасти не правы и тѣ, которые пишутъ разборы, отчасти и тѣ, на которыхъ пишутъ. Первые не соблюдаютъ правилъ безпристрастія, не отдѣляютъ особы Автора отъ его твореній; другіе, позабывъ, что одинъ Богъ безгрѣшенъ, почитаютъ себя чуждыми всякой слабости. По чему бы сердиться на нѣкоторыя доказанныя погрѣшности, когда ихъ находятъ и въ Гомерѣ, и въ Расинѣ, и въ Волтерѣ, и Боало, ни мало не помрачая славы сихъ Писателей! — Ибо такимъ только образомъ

Авторы становятся полезными молодымъ людямъ и Литературѣ.

Къ симъ недостаткамъ присоединить должно какое-то непонятное равнодушіе къ талантамъ. Ободреніе можно назвать жизнію дарованій. Что можетъ воспламенить молодаго Поэта, когда у насъ нѣкоторые изъ невѣжества не могутъ цѣнить его твореній, и по тому же невѣжеству, слѣдуя сторонѣ коварной, предпочитаютъ достойному недостойное никакого вниманія; другіе — лишаютъ бѣднаго Сочинителя и послѣдней чести — бранить его; ибо они и говорятъ и мыслятъ только по Французски, и не подозрѣваютъ даже, чтобы на Рускомъ языкѣ могло быть что нибудь написано посредственное! — третьи — смотрятъ на все — глазами усыпленнаго роскошью Сатрапа; — смотрятъ, и не видятъ; слушаютъ и не слышатъ; но притворяются любителями изящности или учености, потому что этого требуетъ обыкновеніе. — Чего надѣяться Рускому Писателю, когда прекрасной полъ

и нынѣ почитаетъ излишнимъ разумѣть языкъ Руской?

И такъ: 1е, Учебныя книги или теорія,
2е, Надлежащее знаніе древнихъ образцовъ,
3е, Критика благоразумная,
4е, Всеобщая привязанность къ истинной Литературѣ,
5е, Науки основательныя: —

вотъ средства къ образованію нашей Словесности. Все, объ чемъ я ни говорилъ теперь; Милостивые Государи, извѣстно Вамъ болѣе, нежели мнѣ. — Намѣреніе мое было, представить Литературу въ ближайшемъ видѣ, особливо при началѣ работъ нашихъ. — Въ мнѣніяхъ о Писателяхъ, можетъ быть, я много погрѣшилъ; можетъ быть, покажусь инымъ слишкомъ смѣлымъ и рѣшительнымъ. — Оправданіе мое заключается въ самомъ предметѣ моей Рѣчи. — Я упомянулъ о твореніяхъ Писателей кратко, для того только, чтобы обратить на нихъ Ваше вниманіе, какъ на образцы; я не писалъ имъ Панегирика, но хотѣлъ показать ихъ вліяніе на Сло-

весность нашу. — И къ чему бы годилась слѣпая похвала моя предъ такими судьями, какъ Вы? — Всякой благомыслящій приметъ во благо мое намѣреніе; ибо оно совершенно соотвѣтствуетъ цѣли Общества: — этого требовали долгъ мой и польза Литературы. — Да благословитъ Богъ добрыя начинанія наши къ успѣхамъ языка и Словесности, къ чести собственной Вашей и къ славѣ Отечества! —

Мерзляковъ.

ЗАСЛУГИ ХЕРАСКОВА
ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Милостивые Государи!

Древность, богатая произведеніями Наукъ, возбуждающими въ насъ удивленіе, умѣла цѣнить отличныя дарованія, умѣла награждать необыкновенныя напряженія ума почестями и славою, и чрезъ то воспламеняла въ другихъ благородное соревнованіе. Гомеры, Пиндары и Софоклы воспротивились усиліямъ вѣковъ, и пережили свое отечество. Семь городовъ спорили о мѣстѣ рожденія творца Иліады и Одиссеи; каждый изъ нихъ присвоивалъ себѣ сію славу. — Греческій Лирикъ, превзошедшій всѣхъ предшественниковъ своихъ; заслужилъ пышное имя *Царя лирическихъ Стихотворцевъ*. — Софоклъ, отецъ трагедіи, одержавшій преимущество надъ Эсхиломъ и дѣлившій славу съ Эврипидомъ, по согласію знатоковъ, названъ *Аттическою пчелою*. Вся Греція, собравшись въ Аѳинахъ, прославила

блистательные его успѣхи ; гласъ провозвѣстника объявилъ его побѣдителемъ; раздались рукоплесканія по амфитеатру — и лавровый вѣнокъ возложенъ былъ на главу Софокла — и его имя внесено въ отечественныя лѣтописи. Знаменитые Художники , которыхъ рѣзецъ посвященъ былъ изваяніямъ боговъ и героевъ — Фидій и Праксителъ — изобразили на мѣди и мраморѣ черты лица его. Не меньшею славою наслаждался и Греческій Ораторъ, по слѣдамъ коего и самый Цицеронъ шествовалъ; краснорѣчивый Демосеенъ, предпочтенный Эсхину, болѣе извѣстному по ненависти къ сопернику своему, нежели по своимъ талантамъ, — Демосеенъ награжденъ золотою короною отъ Аѳинянъ, плѣненныхъ даромъ витійства, признательныхъ къ его дарованіямъ.

И въ позднѣйшія времена, когда свѣтъ Наукъ распространился , когда всѣ начали чувствовать, что просвѣщеніе составляетъ единственную потребность души, отличныя дарованія увѣнчавались лестными наградами. И въ любезномъ Отечествѣ нашемъ, процвѣ-

тавшемъ подъ правленіемъ Государей, которые неутомимо пеклись о образованіи своего народа, преимущества раздаваемы были болѣе по успѣхамъ въ просвѣщеніи и личнымъ заслугамъ, нежели по знатности рода. ПЕТРЪ I, мудрый Преобразитель Россіи, и ЕКАТЕРИНА II, Совершительница великихъ намѣреній Великаго Своего Предка, знали, что Россіяне отъ природы одарены всѣмъ, что можетъ возвести ихъ на высочайшую степень народнаго благоденствія; знали — и не щадили ничего для приближенія ихъ къ гражданскому величію. Ревность къ успѣхамъ въ наукахъ поощрялась Монаршимъ благоволеніемъ, отличіями и наградами. Не тогда ли прославился *Θеофанъ*, Россійскій Златоустъ, украсившій духовныя свѣтскія свои творенія цвѣтами убѣдительнаго витійства, ревностный сотрудникъ неутомимаго Монарха? Не тогда ли явился *Кантемиръ*, ученый и остроумный, воспользовавшійся наставленіями Прокоповича? Не тогда ли возсіялъ, какъ лучезарное свѣтило на тверди небесной, *Ломоносовъ*, Ораторъ и Поэтъ, Историкъ и Химикъ, расторгнувшій завѣсу, скрывавшую богатство, кра-

сопу и силу Россiйскаго слова? Не тогда ли предсталъ и *Сумароковъ*, изслѣдователь таинственныхъ путей Парнасса, учредитель правильныхъ зрѣлищъ на Россiйскомъ театрѣ, любимецъ Талiи и Мельпомены, распространитель красотъ стихотворческихъ?... На нихъ, на сихъ обогатителей нашей Словесности, отъ Престола изливались милости съ такою же щедростiю, съ какою награждаемы были заслуги Долгорукихъ и Голицыныхъ, подвиги Задунайскихъ и Рымникскихъ.

Въ нынѣшнее время, благопрiятнѣйшее для просвѣщенiя — когда АЛЕКСАНДРЪ I, шествующiй по стопамъ преславныхъ Предшественниковъ Своихъ, ознаменовалъ мудрое и человѣколюбивое царствованiе Свое учрежденiемъ Университетовъ и другихъ Училищъ на прочнѣйшемъ основанiи для распространенiя нравственнаго Россiянъ образованiя, сего вѣрнѣйшаго источника государственнаго величiя — когда всякой членъ общества ревностнѣе стремится къ одной великой цѣли: ко благу Отечества — въ нынѣшнее время отверстъ свободный путь къ самымъ лестнымъ выгодамъ и

преимуществамъ для людей, посвятившихъ себя ученому состоянію, и общеполезными произведеніями ума оправдывающихъ надежду предусмотрительнаго и благотворнаго Правительства. Почести сопровождаютъ Любителей наукъ во время жизни; Слава творитъ незабвенными имена ихъ и по смерти.

Восхитительно для ума и сердца прославлять мудраго и прозорливаго *Государя*, который при многоразличныхъ дѣяніяхъ, при неизчетныхъ трудахъ имѣлъ одно намѣреніе: счастіе народа, Промысломъ Ему ввѣреннаго; — Монарха, странствовавшаго по отдаленнымъ царствамъ, чтобы сокровищами познаній, плодами наукъ и искусствъ обогатить свое Отечество; собственнымъ примѣромъ возбуждавшаго ревность къ трудолюбію; — Самодержца, который исполинскими шагами шествовалъ къ совершенству, былъ равно величественъ среди грозныхъ бурь жизни и среди тихой ясности правленія, отказывалъ самому себѣ въ отдохновеніи послѣ многотрудныхъ и утомительныхъ занятій, дабы народы,

Ему подвластные, покоились; — искорените-ля предразсудковъ, заблужденій и пороковъ; насадителя просвѣщенія и добродѣтелей, украшающихъ общежитіе; грознаго врагамъ, обожаемаго подданными: — и кто изъ Россіянъ съ чувствомъ благоговѣйнаго удивленія, со слезами благодарности не воспоминаетъ *ПЕТРА Великаго?* . . . .

Утѣшительно передать потомству изображеніе добраго *Пастыря*, неусыпнаго стража паствы своей, ревнителя по благочестіи, хранителя Апостольскихъ преданій, краснорѣчиваго проповѣдника Евангельскаго ученія, достойно именуемаго свѣтильникомъ церкви, органомъ истины, примѣромъ святаго житія, зерцаломъ добродѣтелей: — и кто безъ сердечнаго умиленія приводитъ себѣ на память дѣла *Димитрія, Митрополита Ростовскаго?* . . . .

Пріятно описывать дальновиднаго и опытнаго въ политикѣ *Вельможу*, строгаго блюстителя законовъ, не отвлекаемаго отъ многообъемлющихъ своихъ занятій подслащенными примавками удовольствій, не обольщаемаго блескомъ золота,

не знающаго лести, пресмыкающейся около престоловъ; — Вельможу, коего каждая мысль стремится къ пользѣ общественной, каждый шагъ приближаетъ къ благотворенію, каждый взглядъ дышетъ милостію, каждое слово вливаетъ утѣшеніе въ сердца нещастныхъ; — облегчителя трудовъ Монаршихъ, безпристрастнаго посредника между сильнымъ притѣснителемъ и гонимою невинностью: — и кто, читая исторію Князя *Якова Ѳедоровича Долгорукаго*, откажетъ ему въ душевномъ почтеніи? . . . .

Сладостно изчислять подвиги *Героя-Патріота*, во всѣхъ дѣлахъ своихъ руководимаго упованіемъ на Промыслъ и вѣрностію къ Государю, дерзающаго на всѣ опасности для спасенія Отечества, угрожаемаго необузданными врагами; — Героя, прозорливаго въ предпріятіяхъ, твердаго въ намѣреніяхъ, рѣшительнаго въ исполненіи зрѣло обдуманныхъ плановъ, мужественнаго на ратномъ полѣ, человѣколюбиваго по одержаніи побѣды; — Героя, который возвышается надъ страстями, порабощающими обыкновенныхъ людей; преодо-

лѣваетъ ужасныя преграды, поставляемыя грозною природою; презираетъ шипѣнїе зависти и ядъ злорѣчїя, вездѣ и всегда поражаетъ непрїятелей Россїи; который наконецъ съ вершины блистательной славы переходитъ, подобно Цинциннату, въ мирное сельское уединенїе, чтобъ и тамъ заниматься благомъ Отечества: — и кто съ восторгомъ не внимаетъ повѣствованїямъ о Героѣ, опятченномъ лаврами — о *Румянцовѣ-Задунайскомъ*? . . . .

Прейдемъ ли молчанїемъ заслуги, *Россїйскимъ Гомеромъ* оказанныя отечественной Словесности, и особенно Поэзїи? оставимъ ли безъ прославленїя любимца Музъ, который говорилъ языкомъ вдохновенїя, кого произведенїя ознаменованы печатїю *ума*, образованнаго и зрѣлаго, обильнаго въ изобрѣтенїи, основательнаго въ сужденїи, богатаго въ выраженїи мыслей — *воображенїя* плодовитаго въ вымыслахъ, игриваго въ мечтахъ, пылкаго въ представленїяхъ — *чувства* нѣжнаго, плѣнявшагося изящнымъ и совершеннымъ — *вкуса* тонкаго и разборчиваго? Забудемъ ли того

Пѣснопѣвца, котораго наставленія, совѣты и примѣръ много содѣйствовали къ образованію способностей въ молодыхъ Стихотворцахъ, доказавшихъ уже зрѣлость своихъ талантовъ? Забудемъ ли знаменитаго Поэта, который поставлялъ славу свою въ прославленіи благоденствующей Россіи, и бывъ уже украшенъ сѣдинами, съ юношескою пылкостію игралъ на златострунной лирѣ своей, привлекъ вниманіе многихъ Россійскихъ Монарховъ, заслужилъ отличное благоволеніе каждаго изъ Оныхъ, и двукратно былъ Попечителемъ Московскаго Университета — Попечителемъ, совершенно оправдавшимъ сіе почтеннѣйшее титло?

Незабвенный *Херасковъ!* давно уже чувство удивленія и благодарности къ тебѣ таилось въ груди моей; давно уже мысли мои стремились принести праху твоему жертву хваленія, хотя слабую, но усердіемъ дополняемую. Нынѣ да позволено мнѣ будетъ исполнить сіе желаніе. Не смѣю льстить себя надеждою изобразить дарованія твои во всемъ ихъ пространствѣ.

Наперсникъ Аполлона достойно можетъ быть воспѣтъ только подобными себѣ. Судить о картинахъ Рафаэля, единогласно признаннаго первымъ живописцемъ, и прославлять искуство его, можетъ только Кореджіо или Рубенсъ. Но вмѣняется ли въ дерзость неопытному ученику его, если онъ, покорясь могущественному впечатлѣнію, въ немъ произведенному образцовою работою своего Учителя, восхищается одушевленною его кистію, дивится правильности въ рисовкѣ, и сообщаетъ другимъ свой восторгъ, свое удивленіе? Осмѣливаюсь и я цвѣтами, выбранными изъ твоихъ сочиненій, украсить памятникъ, воздвигнутый надъ твоимъ прахомъ. —

Имѣя въ виду начертать заслуги Михаила Матвѣевича *Хераскова* въ отечественной Словесности, раскрываю *Россіяду*, эпическую Поэму, важнѣйшее, превосходнѣйшее изъ его твореній. Кто не знаетъ, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ воспѣты въ ней разрушеніе Казанскаго царства, истребленіе враговъ Христіанства, любовь къ Отечеству, вѣрность къ Го-

сударю вельможъ и воиновъ, наконецъ торжество, слава и благоденствіе Россіи? Герой Поэмы, Іоаннъ Васильевичь II, изображенъ въ точномъ значеніи сего слова: мужественнымъ, рѣшительнымъ, непоколебимымъ среди превратностей счастія. Намѣреніе Поэта, произвести *удивленіе*, тронуть сердце и вдохнуть высокія чувствованія изображеніемъ Государя, водимаго надеждою на Провидѣніе, и слѣдственно подкрѣпляемаго *вышеестественною Силою*, — наконецъ, по преодолѣніи величайшихъ искушеній и препятствій, достигшаго къ предмету своихъ желаній — сіе намѣреніе весьма удачно доведено до своей цѣли. Характеры лицъ живо начертаны, совершенно себѣ подобны и сообразны съ общимъ о нихъ мнѣніемъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ нѣчто единственное, собственное. Вводныя повѣсти (эпизоды), на прим. о Сеитѣ, Османѣ, Алеѣ и Асталонѣ, зависятъ отъ одного главнаго предмета, служатъ къ его возвышенію и украшенію. Всѣ части, составляющія огромное цѣлое, имѣютъ близкое къ нему отношеніе, хранятъ между собою связь неразрывную.

Усмиреніе мятежныхъ Ордынцовъ составляетъ единственное намѣреніе, измѣна Алея и война съ Крымцами — главное препятствіе, а покореніе Казани — развязку. Дѣйствіе продолжается около года. Высокое нравоученіе, почерпнутое изъ разсужденій и дѣйствій лицъ, отличается мыслями толь возвышенными, что Мильтонъ и Тассъ не постыдились бы признать ихъ своими.

Выписывать лучшія мѣста изъ *Россіяды*, значило бы составить цѣлую книгу. Приведемъ для примѣра только нѣкоторыя. Начнемъ съ Героя Поэмы.

Іоаннъ, принявъ твердое намѣреніе усмирить Ордынцовъ, и готовясь выступить въ походъ съ воинствомъ своимъ, совѣтовался съ Полководцами объ успѣшнѣйшемъ произведеніи въ дѣйство сего предпріятія. Вдругъ входитъ Царица, держащая своего младенца. Слухъ о скоромъ отъѣздѣ Государя поразилъ ее. Объятая горестію, употребляетъ она все для преклоненія супруга, не разлучаться съ нею, не подвергать опасности жизнь, для нее

драгоцѣнную. Къ чему не прибѣгала нѣжность ея для убѣжденія Іоанна? Слезы и рыданія прерывали слова ея:

Когда не тронешься любовію моей,
Ужель не умягчитъ тебя младенецъ сей?
У ногъ твоихъ лежитъ онъ съ матерью несчастной,
Уже лишенной чувствъ, отчаянной, безгласной!
Смотри: онъ силится въ слезахъ къ тебѣ возрѣть,
Онъ хочетъ вымолвить: не дай мнѣ умереть!
Читай въ очахъ его нѣмые разговоры;
О чемъ молчитъ языкъ, о томъ разскажутъ взоры.
— — — — — — — — — — —
Когда же лютый сей походъ уже положенъ,
И въ брань идти отказъ Монарху не возможенъ,
Такъ пусть единою мы правимся судьбой:
И сына и меня возьми, мой Царь, съ тобой;
Съ тобою будетъ трудъ спокойства мнѣ дороже;
Я камни и пески почту за брачно ложе.

Іоаннъ, подобный кедру, вѣтрами колеблемому съ двухъ противныхъ сторонъ, чувствуетъ сильную борьбу любви къ Отечеству съ любовію къ супругѣ; погружается въ задумчивость, подавляетъ горесть своего сердца; но слезы катятся по лицу Героя. Вотъ рѣшительный отвѣтъ его:

Мой первый есть законъ — Отечеству услуга!

Какая черта великой души! Удивляемся, и вѣримъ, что нашъ Поэтъ зналъ человѣческое сердце, и умѣлъ проникать въ сокровеннѣйшіе изгибы его.

Херасковъ хотѣлъ изобразить Іоанна терпѣливымъ и великодушнымъ — и успѣлъ въ своемъ желаніи. Въ то время, когда все войско, изнуренное дальнимъ походомъ, палимое зноемъ, томилось жаждою, — два воина, удалясь ночью отъ дружины своей, находятъ ручей, не помнятъ себя отъ радости, почерпаютъ воды, и съ восторгомъ приносятъ Государю. Герой, обнявъ ихъ, говоритъ:

Или вы чаете, что въ семъ пространномъ полѣ
Вашъ Царь слабѣе всѣхъ, и всѣхъ томится болѣ?
Томлюся больше всѣхъ въ несчастливой судьбѣ
О страждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ.
Пойдемъ и принесемъ напиткъ сей скорбящимъ,
Несчастнымъ ратникамъ, почти въ гробахъ лежащимъ;
Подаркъ сей для нихъ, не для меня мнѣ милъ.

Какой урокъ для Государей! сдѣлаетъ ли болѣе сего отецъ для дѣтей, нѣжно любимыхъ? И храбрые воины поклялись умереть за Іоанна. Сего не довольно. И дряхлые

старцы становятся въ ряды, тѣснятся подъ хоругви Отечества;

— — — мечей внимая звуки,
Берутъ оружіе въ трепещущія руки;
Едва біющуся щитомъ покрыли грудь;
Казалось, лебеди летятъ съ орлами въ путь.

Да и могли ли они не чувствовать усердія къ тому, который,

Пренебрегая зной и люту казнь небесну,
Томленный жаждою и въ поттѣ и въ пылю,
Въ срединѣ ратниковъ ложился на земли;
Послѣдній — пищу бралъ, но первый — передъ войскомъ
Являлся духомъ твердъ во подвигѣ геройскомъ?

Посмотримъ на другую картину. Прекратилось сраженіе съ Ордынцами; воины вносятъ въ царской станъ Князя Троекурова тяжело раненаго. Вѣнчанный Герой видитъ любимца своего блѣднаго, окровавленнаго, почти безъ дыханія; глава его склонилась на грудь; уста онѣмѣли, очи померкли . . .

Рыдая Іоаннъ бездушнаго объемлетъ;
Но Царь, обнявъ его, еще дыханье внемлетъ.
Герой сей живъ! . . . . онъ живъ! . . . . въ восторгѣ вопіетъ;
Самъ стелетъ одръ ему и воду подаетъ.

Поэтъ, изобразивъ Героя своего сострадательнымъ, умѣющимъ цѣнить заслуги, готовымъ на всѣ пожертвованія для сохраненія хранителей Отечества, прибавляетъ:

Коль такъ Владѣтели о подданныхъ пекутся,
Они безгрѣшно ихъ отцами нарекутся.
Ахъ! для чего не всѣ носящіе вѣнцы
Бываютъ подданнымъ толь нѣжные отцы?

Желаніе, достойное сердца, болѣзнующаго о томъ, что на землѣ такъ много несчастныхъ, и такъ мало утѣшителей!...

Хотите ли видѣть ратное поле, и на немъ поражающихъ и пораженныхъ? невольнымъ ужасомъ почувствуете себя объятыми! Смотрите:

Тотъ скачетъ на конѣ, мося стрѣлу въ гортани;
Иной, въ груди своей имѣя острый мечь,
Отъ смерти думаетъ, носящій смерть утечь;
Иной, пронзенный въ тылъ, съ коня стремглавъ валится,
И съ кровью жизнь спѣшитъ его устами литься;
Глаза подъемлюща кается тамъ глава,
Произносящая невнятныя слова;
Иной безпамятенъ въ кровавомъ скачетъ полѣ,
Но конь его стремитъ на копья по неволѣ.

Какое богатство мыслей и обилїе уподобленїй, какая сила выраженїй — видны въ описанїи военачальниковъ, раздѣлявшихъ труды и торжество, ужасы и славу съ Іоанномъ! Здѣсь видишь Князей: Микулинскаго, Мстиславскаго и Пенинскаго, неустрашимыхъ подобно львамъ разъяренным; тамъ — Курбскїй и Щенятевъ, преуспѣвшїе въ военномъ искусствѣ, рыцари прозорливые, пылкїе, неутомимые, поспѣшаютъ на сраженїе какъ на пиршество; за ними слѣдуютъ: Пронскїй, подобный громовой тучѣ, и Хилковъ, дальновидный и опытный, посѣдѣвшїй на полѣ брани; далѣе — Романовъ, и Плещеевъ, сотрудникъ его, достойно именуемые Россїйскими Ираклами; Палецкой и Серебряной, попрясающїе оружїемъ отъ нетерпѣнїя сразиться съ непрїятелемъ; наконецъ — Шереметевъ, Шемякинъ и Троекуровъ, воспитанники Марсовы, одаренные всеопровергающею силою; всѣ въ доспѣхахъ, горящихъ подобно молнїи; всѣ вооружены копьями и мечами. — Какїя препоны остановятъ быстроту и мужество такихъ предводителей! какой гордый Османъ не смирится, какой сви-

рѣпый Едигерь не преклонитъ колѣнъ предъ ними? Никакая твердыня, никакое царство не устоитъ отъ ихъ оружія.

Кто откажется принести дань почтенія храброму защитнику Отечества, который среди несчастія чувствуетъ свое достоинство, помнитъ священныя обязанности, на него возложенныя; неколебимый, какъ гранитная скала, противоборствуетъ искушеніямъ, для чувствъ обольстительнымъ; не страшится ни угрозъ, ни казней, и съ радостію ожидаетъ послѣдней минуты, въ которую съ Ангельскою улыбкою на лицѣ можетъ сказать: *умираю за Вѣру и Отечество*! Таковъ Рославъ у Княжнина; таковъ и Палецкій у *Хераскова*. — Едигерь, видя приближеніе того ужаснаго времени, въ которое долженъ преклонить выю свою къ стопамъ Россійскаго Государя, прибѣгаетъ къ хитрости. Князь Палецкій впадаетъ въ сѣти, разставленныя злодѣемъ. На несчастномъ плѣнникѣ звучатъ уже оковы. Его влекутъ на лобное мѣсто. Является Едигерь; алкоранъ въ рукахъ его. Указы-

вая Князю на книгу вѣры Магометовой, и на прекрасную дѣвицу, подлѣ него стоявшую, потомъ на орудія казни, на другой сторонѣ разложенныя, велитъ избирать то, либо другое. Негодованіе объяло Рускаго воина; пламя гнѣва запылало въ очахъ его. Онъ не долго колебался — и тиранъ закипѣлъ яростію, услышавъ отвѣтъ:

— — — Иду на смертну казнь!
Оставь мнѣ мой законъ, себѣ оставь боязнь!
Ты смѣлымъ кажешься сѣдящій на престолѣ;
Не такъ бы гордъ ты былъ предъ войскомъ
въ ратномъ полѣ;
Не угрожай ты мнѣ мученьями, тиранъ!
Господь на небесахъ, у града Іоаннъ.

Не льзя лучше описать добродѣтельнаго Вельможу, умнаго совѣтника и ревностнаго патріота, какъ *Херасковъ* описываетъ Адашева, твердаго среди развратовъ, истиннаго друга Іоаннова, украшеннаго болѣе величествомъ души, нежели саномъ.

Храняща лесть еще подъ стражей царскій Дворъ,
Увидя правду въ немъ, потупила свой взоръ;
Отчаянна, блѣдна и завистью грызома,
Испытываетъ все, ждетъ солнца, тучь и грома.

Кому Іоаннъ съ открытымъ сердцемъ могъ говорить:

Ты честенъ; можешь ли не быти другъ Царю? тотъ не боялся — да и чего страшится прямая добродѣтель? — не боялся напоминать ему обязанностей верховнаго сана:

Ты долженъ разбирать не лица, но сердца;
Вниманья каждой вздохъ — на тронѣ удостоить;
Тогда познаешь, какъ народно благо строить.

Какой краснорѣчивый Ораторъ опишетъ живѣе и разительнѣе Князя Курбскаго — Вельможу, руководимаго не личными выгодами, не гордыми намѣреніями — одною справедливостію; уважаемаго Царемъ, Боярами и войскомъ — защитника притѣсненныхъ, друга человѣчества, котораго народъ почиталъ Ангеломъ хранителемъ — Героя, который однимъ ударомъ меча повергъ къ ногамъ своимъ ужаснаго Исканара, предводителя Татаръ Крымскихъ, и увѣнчалъ Россію — безсмертною славою, себя — блистательнѣйшими лаврами — Военачальника, дѣятельностію своею превзошедшаго, или лучше сказать, затмившаго всѣхъ своихъ сподвижниковъ; оказавшаго великія услуги Царю Россійскому, и почитавшаго ихъ ничтожными; высоко цѣнившаго все, кромѣ своихъ подвиговъ! . . .

Не въ полномъ ли блескѣ величія представленъ Курбскій,

Сіявшій какъ луна между звѣздами въ тьмѣ,
Въ душѣ усердіемъ и славой во умѣ?

Не истиннымъ ли сыномъ Отечества, не ревностнымъ ли подкрѣпителемъ престола изображенъ тотъ, чье сердце согласно было съ словами, предъ лицемъ всего воинства имъ произнесенными:

Коль царству предлежитъ опасность и бѣда,
Не страшенъ пламень мнѣ, ни вихри, ни вода.
Россіяне къ трудамъ и славѣ сопіворенны?...

Любопытство возрастаетъ постепенно — картины новыя, одна другой разнообразнѣе и плѣнительнѣе, представляются умственнымъ взорамъ, когда въ концѣ VIII Пѣсни находимъ Государя бесѣдующаго съ мудрымъ пустынникомъ Вассіяномъ, открывающимъ ему будущія произшествія, показывающимъ длинный рядъ Монарховъ, имѣющихъ послѣ него царствовать. Прозорливый старецъ, дошедшій до ужасныхъ бѣдствій, въ бурное время междуцарствія терзавшихъ Россію, и описавъ жестокости Поляковъ, говоритъ:

Богатство — тлѣнъ и прахъ; но славно есть оно,
Коль будетъ общему добру посвящено.

Позналъ имѣнія такую Мининъ цѣну;
Онъ злато изостривъ, дабы сразить измѣну.
— — — — — —
Какъ бурный вихрь, Москву Пожарскій окружаетъ,
Кидаетъ молніи, Поляковъ поражаетъ;
Съ другой страны даритъ Отечеству покой,
Бросая громъ на нихъ, Димитрій Трубецкой.

Простираясь далѣе въ повѣствованіи, изображаетъ онъ Преобразителя Россіи, озареннаго лучами безсмертія, и преславную Дщерь его. Пророческій гласъ его гремитъ:

Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,
Россіи нову жизнь, и будетъ слыть *Великимъ*.
Коварство плачуще у ногъ Его лежитъ,
Злоумышленіе отъ стрѣлъ Его бѣжитъ.
— — — — — —
Подъ скипетромъ Ея (*Елисаветы*) цвѣтутъ обильны нивы,
Корону обвіютъ и лавры и оливы;
Науки процвѣтутъ какъ новый виноградъ:
Шуваловъ ихъ раститъ, Россійскій Меценатъ.

Наконецъ доходитъ до ЕКАТЕРИНЫ Второя — Монархини, Которая возвысила умы, гремѣла побѣдами, удивляла щедротами, славилась мудростію правленія, благоденствіемъ своихъ подданныхъ — и пророческія слова старца лыются рѣкою:

Премудрость съ небеси въ полночный край сойдетъ,
Блаженство на престолъ въ лицѣ Ея взведетъ.
Предъ Ней усердіемъ Отечество пылаетъ,
Любовь цвѣтами путь Ей къ трону устилаетъ.
— — — — — —
Пріидутъ къ Ней Цари, какъ въ древній Виѳлеемъ,
Не злато расточать, не зданіямъ дивиться
Пріидутъ къ Ней Цари, но *царствовать учиться.*

Перейдемъ къ другимъ предметамъ. Взглянемъ на портретъ Сумбеки, терзаемой ревностію и мщеніемъ, высокомѣрной, но покорной только страсти, свирѣпствовавшей въ душѣ ея,

Киприды красотой, а хитростью Цирцеи,
Для выгодъ собственныхъ любившей царской санъ.

Подлѣ Казанской Царицы — и предметъ пламенной любви ея: Османъ, Князь Таврическій,

Прекрасный юноша, но гордый и коварный,
Любовью тающій, въ любви неблагодарный;
Какъ лютая змія, лежаща межь цвѣтовъ,
Приближиться къ себѣ прохожихъ допущаетъ,
Но жало устремивъ, свирѣпость насыщаетъ.

Вотъ и Асталонъ, соперникъ его, презрѣнный Сумбекою:

Какъ новый Энеладъ, онъ шелъ, горѣ подобенъ;
Сей витязь — цѣлый полкъ одинъ попрать удобенъ;
Отваженъ, лютъ, свирѣпъ сей врагъ Россіянъ былъ,
Во бранях — какъ тростникъ, соперниковъ рубилъ.

Войдемъ за Сумбекою въ ужасный лѣсъ, гдѣ грозные призраки, черныя и печальныя тѣни спустились на землю, гдѣ все густою тьмою одѣлось;

Гдѣ кажется простеръ покровы томной сонъ,
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Гдѣ вянутъ всѣ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, гдѣ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Лѣсъ воетъ — адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ..,

Входимъ — и видимъ пышныя гробницы, Казанскимъ Царямъ воздвигнутыя; читаемъ исторію враговъ Россіи, которые, подобно хищнымъ птицамъ, летали надъ Отечествомъ нашимъ, и пожирали добычи беззащитныя; наконецъ устали отъ злодѣйствъ и жестокостей; — читаемъ — и не можемъ удержаться отъ ужаса; но сей ужасъ сильнѣе овладѣетъ, когда представится

геенна съ несчастными жертвами, осужденными на мученіе. Тутъ — закрываемъ глаза, спѣшимъ удалиться отъ сего зрѣлища, и спрашиваемъ: откуда живописецъ заимствовалъ такія удивительныя краски для картины, на которой изобразилъ столько ужасовъ разнообразныхъ? не тотъ же ли Геній вкуса водилъ перомъ нашего Поэта, который управлялъ кистію Микель-Анжа, написавшаго *Страшный судъ*, и на немъ пораженныхъ горестію и отчаяніемъ? . . .

Еще ли хотимъ увѣриться въ исполинскомъ воображеніи Поэта? Заглянемъ въ темную бездну, обитель Безбожія; разсмотримъ гибельныя дѣйствія, производимыя духомъ Раздора; или остановимся при волхвованіяхъ люпаго Нигрина, заклинающаго Зиму изтощить свои ужасы для изтребленія Рускаго воинства — и Зима свирѣпствуетъ со всею жестокостію:

Соперница весны, и осени, и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;

Великіе столпы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется порой, громада льдовъ горитъ.
Стихіи каждая движенья не имѣетъ:
Ни воздухъ тронуться, ни огнь пылать не смѣетъ;
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, сіяютъ между льдовъ
Однѣ замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода растопленна надъ сводами — лучами
Окаменѣвъ виситъ волнистыми слоями.
Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова;
Но все застужено — натура вся мертва!
Единый трепетъ, дрожь и злобы жизнь имѣютъ;
Гуляютъ инеи, зефиры тамъ нѣмѣютъ;
Мятели вьются вкругъ и производятъ бѣгъ,
Морозы царствуютъ на мѣсто лѣтнихъ нѣгъ;
Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ.
Всея природы страхъ, согбенная Зима,
Россійской алчуща погибели сама,
На льдину опершись, какъ мраморъ побѣлѣла,
Дохнула — стужа вмигъ на крылѣхъ излетѣла.
Родился лишь морозъ, уже бываетъ сѣдъ,
Къ чему припронется, преобращаетъ въ ледъ;
Гдѣ ступитъ, подъ его земля хрустнитъ пятою,
Стѣсняетъ, жметъ, мертвитъ, сражаясь съ теплотою . . . .

Гдѣ искать помощи, отъ кого ожидать спасенія защитникамъ Отечества; когда все: и злоба невѣрныхъ, и коварство враговъ, и ужасы природы — все поклялось

погубить ихъ? Русскіе ратники вспомнили слова Іоанновы:

Не слабыхъ женъ на брань, мужей веду съ собою!
— — — — — — — —
Пропиву смерти жалъ неробку грудь поставимъ!
Кто страшенъ, Россы, вамъ, когда самъ Богъ по васъ!

Вспомнили — вооружились вѣрою и мужествомъ — и все преодолѣли!

Перенесемся теперь въ царство очарованій, подобное садамъ Армидинымъ, описаннымъ Авторомъ Освобожденнаго Іерусалима — въ такое плѣнительное мѣсто, гдѣ

Пригорки движутся, кустарники смѣются;
Источники, въ травѣ вiясь, говорятъ;
Другъ на друга цвѣты съ умильностію зрятъ;
Зефиры рѣзвые кусточки ихъ цѣлуютъ.
— — — — — — —
Зеленые лужки въ тѣни древесъ цвѣтутъ;
И кажется, Любовь одры готовитъ тутъ.
Наяды у ручьевъ являются сѣдящи,
Волшебны зеркала въ рукахъ своихъ держащи,
Въ которы Граціи съ усмѣшками глядятъ;
Амуры обнявшись, на мягкой травкѣ спятъ.
Пещеры скромныя, привѣтливыя тѣни
Гуляющихъ къ себѣ манили на колѣни . . . .

Вотъ языкъ стихотворства! не сами ли Граціи оживляли воображеніе Поэта? не онѣ ли водили его рукою? . . . Нужно ли теперь доказывать, что *Херасковъ* имѣлъ дарованіе, способное преображаться во всѣ виды? . . . и что обильный слогъ его, подобный обширной рѣкѣ, разливающей сокровища свои и дѣлимой на безчисленные протоки, сообразовался съ каждымъ предметомъ?

Прочитавши *Россіяду*, воображаемъ, что мы прогуливались въ прекрасномъ саду, гдѣ Природа и искусство истощили дары свои, гдѣ различныя деревья и цвѣты, одни другихъ пріятнѣе, плѣняли наши взоры, услаждали обоняніе. Мы не знали, на чемъ остановиться, чему отдать предпочтеніе: все на своемъ мѣстѣ, все цвѣтетъ и благоухаетъ! Выходя оттуда, обѣщаемся снова насладиться такимъ удовольствіемъ.

Въ *Россіядѣ* соблюдено все, входящее въ составъ Поэмы: величіе предмета, важность подробностей, къ нему относящихся, искусство въ расположеніи частей, удачные

переходы отъ одной мысли къ другой, занимательность повѣствованія, сцены пріятныя и ужасныя, въ приспойныхъ мѣстахъ помѣщенныя. Искусство *Хераскова* въ механизмѣ Поэзіи, плавность размѣра, гармонія словотеченія и богатство рифмъ — удивительны. Какъ *Поэтъ* — онъ нравится высокимъ паренїемъ мыслей, изображенныхъ блестящими, яркими красками и разновидными тѣнями; нравится, украшая выраженія цвѣтами баснословныхъ вымысловъ и подобіями, имѣющими достоинство новости, объемлющими обстоятельства и подробности. Какъ *Ораторъ* — научаетъ, приближая къ истинѣ; говоря ясно, убѣдительно, краснорѣчиво, преклоняетъ на свою сторону; употребляя сильныя слова, производящія сильное дѣйствіе, влечетъ за собою умъ и сердце. Какъ *Повѣствователь* — имѣющій дѣло не съ воображеніемъ, а съ разсудкомъ читателей — почерпаетъ мысли изъ существенныхъ обстоятельствъ самаго дѣла, и только по необходимости — украшаетъ вымыслами историческую истину. Какъ *Нравоучитель* – богатый свѣдѣніями вѣковъ прошедшихъ, знающій сердца и

нравы людей, предлагаетъ такія правила, кои соглашаютъ волю человѣка съ законами и прямо ведутъ къ добродѣтели.

Откуда же *Херасковъ* почерпнулъ ту быструю чувствительность, которая вдругъ, со всѣми оттѣнками, обѣемлетъ предметъ, ее поразившій — ту зоркую дальновидность, отъ которой ничто не скрывается — и тонкую разборчивость, которая умѣетъ назначать всему *свое* мѣсто, показываетъ все съ лучшей стороны, даетъ всему надлежащую цѣну? откуда получилъ онъ дары сіи? — Отъ *природы*. Не она ли вложила въ душу *Хераскова* умъ и дѣятельность, украсила его талантами, съ помощію которыхъ находилъ онъ источники изящнаго и выспренняго въ безпредѣльной и разнообразной ея области, восхищался красотами ея, и восторги свои изливалъ въ пѣснопѣніяхъ?... *Науки* привели въ зрѣлость, усовершенствовали его дарованія, снабдили высокими мыслями и щастливыми объясненіями оныхъ. *Чтеніе книгъ*, писанныхъ на Славянскомъ языкѣ, который почитается корнемъ и основаніемъ Россійскаго,

доставило ему способъ, узнать правильное производство словъ, пристойное ихъ сочетаніе и употребленіе въ высокомъ слогѣ; помогло замѣтить различіе между языкомъ богослужебнымъ и общенароднымъ; обогатило его выраженіями громкими, сильными, многозначительными и красивыми — выраженіями, соотвѣтственными тому, что онъ воображалъ и чувствовалъ. — Къ особливой похвалѣ *Хераскова* надобно сказать, что онъ читалъ все, что только могъ читать, и всѣмъ умѣлъ пользоваться; ловилъ, такъ сказать, каждую минуту, чтобъ она не ушла, не сообщивъ ему новыхъ понятій. Каждой день, каждой часъ доставлялъ новыя открытія душѣ, новыя сокровища чувствованій его сердцу. Умная книга служила къ утвержденію разума его, а пріятная къ украшенію пылкаго воображенія. Сіе занятіе, или лучше сказать, сія страсть составляла единственное удовольствіе, самую пріятную пищу для души его. *Знаніе иностранныхъ языковъ* познакомило его съ Гомеромъ и Виргиліемъ, съ Виландомъ и Расиномъ, а сношеніе съ древними и новыми Учеными

Мужами сблизило съ ихъ творческимъ геніемъ. *Размышленіе* научило его находить сокровенныя сходства и согласія въ вещахъ, замѣчать тѣсную связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ не можетъ найти ее; видѣть отличительныя черты предметовъ въ полномъ раздробленіи частей ихъ; восходить отъ простаго къ сложному, отъ чувственнаго къ умственному, отъ малаго къ великому; знать разныя степени вѣроятности, различать истинное отъ ложнаго. Наконецъ *Вкусъ* — сіе соединеніе многихъ врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ свойствъ ума и сердца, сіе искусство наблюдать и сравнивать — научилъ его удерживать порывы воображенія, плѣняться только истинно совершеннымъ, и возвышенностію чувствованій, мыслей и выраженій внезапно изумлять или приводить въ пріятной ужасъ читателя.

Россіяда, стоившая осмилѣтняго труда нашему Поэту, переложена рукою одного Министра на иностранной языкъ, и хранится въ знаменитой Академіи (*); пере-

(*) Смот. Зеркало Свѣта, Часть V, стран 495.

ведена и на Французской Гм. Авїатомъ, покойнымъ Профессоромъ Московскаго Университета. Вѣроятно, и чужестранцы — не тъ, которые дерзостїю и безстыдствомъ прикрываютъ свое невѣжество и, вопреки успѣхамъ нашимъ въ наукахъ, величаютъ насъ еще варварами, — но умные и безпристрастные цѣнители талантовъ читаютъ сїю Поэму съ удовольствїемъ, плѣняются красотами ея, и знаютъ уже, что и подъ хладнымъ небомъ Сѣвера родятся умы пылкїе, озаренные лучами просвѣщенїя; родятся — *Ломоносовы* и *Херасковы*!

Не отступая отъ безпристрастїя и справедливости, скажемъ, что строгая Критика найдетъ и въ Россїядѣ недостатки: стихи слабые, мысли неудачно выраженныя, излишнїя повторенїя. — Но кто написалъ совершенное твореніе? какой великїй Авторъ не былъ предметомъ сужденїя и споровъ? Не обвиняютъ ли и самаго Гомера въ несвязности баснословїя, въ грубомъ изображенїи боговъ, въ нелѣпомъ описанїи варварскихъ нравовъ, въ стихахъ похожихъ

на прозу? Не о немъ ли говоритъ Горацій:

И самъ недремлющій Гомеръ нашъ засыпаетъ? (*)

Оправдаемъ творца Россіяды его же стихомъ:

И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста.

Оставимъ безъ вниманія, Милостивые Государи, слова людей, которые, стараясь находить во всемъ недостатки, утвердительно говорятъ, что у *Хераскова* можно научиться не Поэзіи, но размѣру стиховъ, и затвердить многія рифмы. — Кто не знаетъ, что бросаютъ камнями въ тѣ деревья, на которыхъ много плодовъ?.... Будемъ подражать такимъ Критикамъ, которые собираютъ не песокъ, но отдѣляютъ отъ него частички золота, и любуются ими; собираютъ — по выраженію одного изъ нашихъ Писателей — не соломенки, плавающія на поверхности воды, но жемчугъ, на днѣ лежащій, и плѣняются драгоцѣнностію. Отдадимъ справедливость великимъ трудамъ *Хераскова*,

---

(*) . . . . . Quandoque bonus dormitat Homerus.
Horat. Ars poetica, vers. 359.

обогатившаго отечественную Словесность твореніями своими. Согласимся, что любезенъ и въ самыхъ погрѣшностяхъ Поэтъ, паривши́й на крыліяхъ вдохновенія по слѣдамъ великаго наставника своего Ломоносова, который, замѣтивъ дарованія его, возбудилъ въ немъ охоту къ стихотворенію, открылъ ему средства сдѣлаться извѣстнымъ и славнымъ, называлъ его *сыномъ* своимъ, и заставилъ дѣйствовать на умы и сердца соотечественниковъ.

Пусть строгіе цѣнители не находятъ въ *Россіядѣ* красотъ, свойственныхъ высокой Поэзіи, требующей однѣхъ пламенныхъ, острыхъ, неожиданныхъ мыслей, однѣхъ смѣлыхъ, отборныхъ и сильныхъ выраженій; пусть сіе начертаніе ученыхъ заслугъ *Хераскова* покажется кому нибудь пристрастнымъ, перешедшимъ за предѣлы умѣренности: — но сердце, исполненное почтенія и благодарности къ предмету своего удивленія — сердце, живо чувствующее всѣ его достоинства, находитъ и сію похвалу — сколь бы увеличенною ни казалась она равнодушію и безпристрастію —

недостаточною и слабою, считаетъ ее — дѣтскимъ лепетаньемъ, — не болѣе.

Ревностные чтители дарованій *Хераскова* знаютъ, что онъ трудился много — и всегда съ пользою и честію для соотечественниковъ своихъ; писалъ не по внушенію самолюбія, но побуждаемый желаніемъ доставить и себѣ и другимъ удовольствіе, питательное для разума и чувствованій; вездѣ отличался здравомысліемъ и благодушіемъ; вездѣ доказывалъ, что вѣрилъ безъ суевѣрія и не терпѣлъ вольнодумства; училъ чистой нравственности, проповѣдывалъ истину, внушалъ вѣрность къ верховной Власти; распространялъ область просвѣщенія, ободрялъ питомцевъ наукъ, съ ревностною охотою подавалъ имъ отеческія наставленія, съ благопріятною улыбкою одобренія принималъ первые опыты трудовъ ихъ, съ любезною кротостью, свойственною снисходительному другу, показывалъ недостатки, предостерегалъ отъ заблужденій; любилъ *все отечественное*, любилъ и славилъ Россію. Почитатели *Хераскова* знаютъ, сколь много одол-

жена ему наша Словесность, и увѣрены, что сочиненія воздвигли ему памятникъ, несокрушимый рукою времени, и увѣнчали его безсмертною славою.

Здѣсь позвольте, Милостивые Государи, кончить Разсужденіе мое о творцѣ *Россіяды*, и оставить до другаго времени разсмотрѣніе прочихъ, а особливо важнѣйшихъ его сочиненій. Чувствую мои недостатки; но ободряюсь надеждою, что усердіе къ памяти *Хераскова* замѣнитъ слабость моихъ дарованій.

П. Побѣдоносцевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОБѢТЫ РОССІЯНЪ,

или

ХРАМЪ РОССІЙСКОЙ СЛАВЫ.

Не древній ли Олимпъ, во дни торжествъ, отрадъ,
Надъ благодатною Элладой растворился,
И горній міръ боговъ и смертныхъ міръ явился,
Героевъ увѣнчать веселіемъ наградъ? —
Иль свѣтлые Валкала сѣни;
Чрезъ солнечны врата, пріемлютъ Сильныхъ тѣни,
Грядущія во храмъ отцовъ,
Сплезею радуги и пламенныхъ громовъ! —
Кто се! — Оденъ иль Зевсъ устроилъ пированье,
Святыя доблести вѣнчанье,
Въ урокъ народовъ и вѣковъ? — — —
Сіяетъ дивный храмъ, разверстый для вселенной. (*)
Алтай, Кавказъ, Карпатъ, Алавны и Рифей,
Гиганты-первенцы, рожденные землей,
Подъемлютъ сводъ его, какъ небо испещренно...
Одушевленные чудесно на стѣнахъ,
Казалось, движутся и виды и народы ....
Орелъ, гнѣздящійся Нордъ-Капа на скалахъ, (**)
На крайнемъ рубежѣ живущія Природы;

(*) Сей храмъ представляетъ Россію.

(**) Границы наши со Швеціею.

Здѣсь *Пруссъ*, жестокія судьбины подъ рукой,
Къ Святилищу таинственному, въ миръ,
Склоненный дружбою, и вѣрой, и мольбой; —
Тамъ, на растерзанной порфирѣ,
Свой скипетръ преломивъ, и отложа вѣнецъ,
Колѣнопреклоненъ, въ безмолвьи умиленномъ,
Сарматъ, крамолъ древнѣйшихъ намъ творецъ:
Надежда и боязнь во взорѣ потупленномъ;
Тамъ пылкой *Магометъ*,
То буйства полный, то унылый,
На помощь, кажется, зоветъ
Европы хитрости и Азіи всей силы;
Тамъ дѣва юная, невинная краса,
Отъ снѣжныхъ горъ несясь, взоръ робкій обращаетъ;
Тигръ люшый въ слѣдъ за ней, реветъ, ломитъ вкругъ лѣса; . . . .
О *Грузія*, скрѣпись! — ей нѣжна Мать вѣщаетъ,
И звѣрь, оцѣпенѣвъ, палъ мертвъ при ихъ стопахъ;
А тамъ, какъ стаи птицъ въ пищающихъ лугахъ,
Орды разноплеменны,
Въ свирѣпой бури часъ
На милой домоводца гласъ
Сбираются подъ кровъ блаженный; —
А тамъ, какъ исполинъ, самъ Сѣверъ, мнится, сталъ,
И щитъ его, изъ водъ замерзшихъ изваянной,

Весь грозный океанъ, на треть земли расстланной,
Зерцаломъ пламеннымъ сіялъ;
Съ другой страны Востокъ средь пурпурной пучины
Двѣ міра вѣситъ половины. —
Какъ негасимыя лампады, въ храмѣ томъ
И солнце вѣчное, и звѣзды незакатны;
Какъ поясъ золотой кругомъ,
Зари, вечерняя и ранняя, благодатны! —
И все въ обиліи, въ отрадахъ и красѣ. —
Чей домъ сей? Кто здѣсь Богъ? кому хвалы всемѣстны? —
„Вступите Славы въ храмъ!“ отгрянулъ гласъ небесный.
Отечество мое! Отечество!..... и се!....

Растворился храмъ великій,
Зданье десяти вѣковъ;
Вкругъ племенъ несчетныхъ лики;
Россъ предсталъ вождемъ жрецовъ....
Древней доблести блюститель
Подалъ знакъ, и воззвучалъ
Щитъ, побѣдъ благовѣститель;
Лѣсъ дубовой запылалъ,
И вдали, въ эѳирной сѣни,
Въ дымѣ жертвъ и воскуреній,
Озарился Славы тронъ. —
Съ нею Вѣра и Законъ;
Въ ихъ рукахъ вѣсы, скрижали,

И судьба племенъ земныхъ
На престолахъ золотыхъ
Въ полукруга возсѣдали,
Рюрикъ, предокъ Царскихъ главъ,
Игорь, Ольга, Святославъ,
И Владимiръ просвѣтитель; —
Ярославъ, суда органъ,
Дмитрiй, ига сокрушитель,
Славно - грозный Іоаннъ,
И творецъ своей вселенной
Удивленье смертныхъ, Ты
Петръ единый, несравненной! —
И сходяща съ высоты
Для чудесъ, Екатерина,
И Ея великiй Внукъ,
АЛЕКСАНДРЪ, Отецъ наукъ,
Славы дивная Дружина,
Весь сѣдитъ ея совѣтъ. —
Время стало, не течетъ, —
Неподвиженъ мiръ смущенной,
И безмолвiе вокругъ;
Такъ *Синая* верхъ возженной
Озарялъ Господень Духъ
Въ буряхъ; въ молнiяхъ ученья. —
Съ Юга огненъ столпъ возсталъ;
Благодатью просвѣщенья
Херсонескiй брегъ сiялъ;
Куликово стонетъ поле
Подъ станицею орловъ;
Дщерь преступна, въ горькой долѣ,

Ждетъ Казань родныхъ громовъ; —
И Полтава, славы камень,
И Свеабургъ, Норда щитъ,
И столѣтнихъ браней пламень . . .
Жрецъ изрекъ, и хоръ гремитъ:

Хоръ.

Славу, матерь Музъ безсмертныхъ,
Душу подвиговъ несчетныхъ,
Славу Россы призовемъ,
Пѣснь всемощной воспоемъ.

Жрецъ.

Подъ ея благой звѣздою
Россъ родился, возрасталъ;
Россъ-младенецъ Царствъ судьбою
На груди ея игралъ;
Россъ Герой — ея знамена
Черезъ темно поле золъ
Перенесъ, восталъ изъ плѣна,
И воздвигъ Владыкъ престолъ;
Россъ благій, великосердый,
Заключивъ уста громовъ,
Простираетъ щитъ свой твердый
На друзей и на враговъ.

Хоръ.

Слава, Царь, душа вселенной,
Геній Россовъ неизмѣнной,

Слава, съ нами въ вѣкъ живи!
Славы огнь теки въ крови!

Жрецъ.

Богъ сыщелъ . . . въ пустынѣ дикой
Воспылала купина!
Встань изъ мрака, Россъ великой,
Встань! — тебя зоветъ она!
Прочь отсель . . . здѣсь мѣсто свято . . .
Прочь Коварство, Суета,
Прочь отецъ пороковъ, Злато,
Алчность власти, злыхъ мечта!
Прочь! . . . едина Добродѣтель,
Ты сотри надмѣнныхъ рогъ!
Ты приближься благъ содѣтель! . . .
Токмо добрыхъ славитъ Богъ!

Хоръ.

Токмо доблесть — сердца радость,
Нашихъ дней цѣна и сладость! —
Прочь рабы страстей, суетъ! —
Гдѣ корысть, — тамъ славы нѣтъ!

Жрецъ.

Тамерланъ ли побѣдитель,
Человѣчества ли врагъ,
Низкихъ прихотей служитель,
Здѣсь дерзнетъ простерть свой шагъ?
Мудрость, грянь въ эгидъ чудесной,
Препояши, Правда, мечь,

Вѣра, съ высоты небесной
Прекрати вражду и сѣчь!
Стань Любовь святая долу,
Возсіяй и поведи
Славы истинной къ престолу
Чадъ, заблудшихъ на земли!

Хоръ.

Кто имѣетъ сердце, силы,
Презри ложный страхъ могилы! —
Нѣтъ ни гдѣ преграды намъ;
Мы рѣшились — слава тамъ . . . . .

Жрецъ.

Тамъ, гдѣ прадѣды и дѣды,
Гдѣ Отечества любовь
Чрезъ страдальчески побѣды
Ожила изъ пепла вновь . . .
Здѣсь ихъ гробы! — здѣсь ученье! . . . .
Преклонитесь къ ихъ костямъ,
Ихъ страданье, ихъ терпѣнье;
Вотъ завѣтъ отцовъ сынамъ! . . . . .
Вижу, вижу Славныхъ лики! —
Се! — Москва, Героевъ мать,
Капитолій нашъ великій! —
Что потомкамъ мнѣ вѣщать?

Хоръ.

Гдѣ текли къ небесной славѣ,
Гдѣ текли, подобясь лавѣ,

Ты *Суворовъ*, исполинъ? —
Ты *Румянцовъ*, славы сынъ? —

Жрецъ.

Тамъ, гдѣ геній испытаній
Младость робкую ведетъ
По стези скорбей, страданій; —
Гдѣ Герой, во цвѣтѣ лѣтъ,
Узы страсти и покоя,
Окропленны токомъ слезъ
Тѣни мудраго Героя
Въ жертву славную принесъ; (*)
Тамъ, гдѣ рокъ скупой и злобной,
Побѣжденный наконецъ,
Отдаетъ на дскѣ пригробной
Намъ побѣду и вѣнецъ.

Хоръ.

Прочь призраки горды міра,
Онѣмѣй Сирены лира,
Злато въ прахъ истлѣвай;
Намъ безсмертья свѣтитъ рай!

Жрецъ.

Посмотрите: злоба блещетъ
Надъ жилищемъ тишины,
Геній мира всталъ, — трепещетъ;
Видитъ зарево войны. —
Рѣютъ молніи браздами;
Дальній грома гулъ реветъ;

(*) Ѳемистоклъ, плачущій предъ статуею Мильтіада.

Провождаема смертями;
Въ бурныхъ вихряхъ брань течетъ;
Съ нею ужасы дрожащи
Самолюбье, Месть, Развратъ,
Сыплютъ свѣточи палящи
Въ зрѣлый Мира вертоградъ.

Хоръ.

Дѣти Славы, пробудитесь;
Встаньте, встаньте, ополчитесь;
Къ вамъ Отечество гласитъ;
Брань вокругъ васъ; брань горитъ.

Жрецъ.

Грады мирные пылаютъ;
Страждетъ дружба и любовь;
Цѣпи доблесть отягчаютъ,
И течетъ по нивамъ кровь . . . . . .
„Кровь сожжетъ желѣза плѣна!
Кровь да смоетъ рабства стыдъ!“ —
Старость ищетъ оживленна
Обгорѣлой шлемъ и щитъ;
Храбрость мирты разрываетъ,
Ржавымъ радуясь мечемъ;
Праздность праздный оставляетъ;
Слабый сталъ богатыремъ.

Хоръ.

Дѣти Славы, ополчитесь;
Въ крѣпость въ силу облекитесь,

Слава — доблестныхъ вѣнецъ! —
Истребись раздоръ въ конецъ!

Жрецъ.

Да погибнутъ брани бранью! —
Марсъ ударилъ въ щитъ стальной;
Рдяно-огненною дланью
Ярость гонитъ буйныхъ въ бой;
Братъ не видитъ въ братѣ брата,
И отецъ забылъ дѣтей;
Трескъ оружій, громъ — отрада
Кровожаждущихъ звѣрей;
Воскурился мщенья пламень —
Славы знамя впереди;
Огнь во взорахъ; въ сердцѣ камень; —
Мщенье! мщенье, насъ веди.

Хоръ.

Мщенье! мщенье! громъ за громомъ!
Буря съ бурей! сонмъ за сонмомъ!
Горы труповъ — храбрыхъ слѣдъ! —
Имъ ни гдѣ преграды нѣтъ!

Жрецъ.

„Стойте пламенны Герои!
Съ вами Богъ! — средь васъ — Любовь" —
Ангелъ рекъ — умолкли бои;
На мечѣ застыла кровь;
Чада брани изтупленны
Въ буряхъ сѣчи стали вдругъ;

Неподвижны, умиленны,
Собралися въ братскій кругъ;
Робка жизнь еще трепещетъ; — — —
Се! несутся звуки лиръ, ——
Мракъ редѣетъ, небо блещетъ;
Зури скрылись . . . . сходитъ Миръ!

Х о р ъ.

Миръ прелестный, миръ, другъ Неба,
Въ адъ низвергни дщерь Эреба,
Укротися сонмъ звѣрей!
Съ нами Миръ! — здѣсь ликъ друзей!

Ж р е ц ъ.

Обрученъ съ побѣдой новой,
Какъ съ невѣстою женихъ,
Миръ идетъ стезей лавровой
Въ сонмѣ витязей своихъ;
Старецъ поднялъ слабы персты,
Осѣнить любезныхъ чадъ;
Во объятія отверсты
Тамъ супруги предлетятъ;
Отрокъ отчій мечь лобзаетъ;
Дѣва робкая, стыдясь,
Лавръ Героя прижимаетъ
Къ сердцу, кроющему страсть.

Х о р ъ.

Шествуй къ намъ, тріумфъ священный,
Силой Неба осѣненный!

Царствуй Миръ во всѣхъ странахъ!
Царствуй Славы ты въ лучахъ!

Жрецъ.

Онъ идетъ и все играетъ;
Онъ душа и Царь всего;
Радость, щастье осѣняетъ
Свѣтлымъ облакомъ его;
Съ нимъ Торговля, Трудъ, Свобода;
Крыла подняли Орлы;
Въ рай одѣлася Природа,
И моря несутъ дары;
Изобиліе благое
Ниспустилось на поля,
И въ веселіи, въ покоѣ,
Обновилась вся земля.

Хоръ.

Дѣти Славы, веселитесь,
Здѣсь на лаврахъ преклонитесь,
У Любови на рукахъ;
Громы спите на цвѣтахъ!

Жрецъ.

Нѣтъ! — мы славы недостойны:
Не горитъ ли кровь на насъ? —
Не бѣгутъ ли въ слѣдъ намъ стоны,
Побѣжденныхъ жалкій гласъ? —
Не на трупахъ лавры зрѣютъ;
Клятвы въ гробъ загремятъ,

И тріумфы помертвѣютъ. —
Ахъ! не радость, — смертный ядъ,
Слава мстящими руками
Подаетъ врагамъ людей . . . .
Чада славы! мы слезами
Смоемъ кровь съ своихъ мечей!

Хоръ.

Къ намъ въ объятія летите!
Все забыто; — насъ простите!
Въ нѣдрахъ мира и отрадъ
Будьте щастливы стократъ!

Жрецъ.

Мы одно составимъ племя
Всѣмъ намъ общаго Отца! —
Райскаго блаженства сѣмя —
Намъ любовь влита въ сердца . . . .
Насъ любовь да прославляетъ!
Насъ любовь да просвѣтитъ!
И любовь да составляетъ
Безпавѣтный братьямъ щитъ!
Музы! жертвы принесите,
Музы, Славѣ дайте даръ! . . .
Небеса! благословите
Въ насъ любви священный жаръ.

Хоръ.

Процвѣтайте, дни полезны,
Чада Ѳебовы любезны!

Процвѣтай, родимой край!
Рай въ сердцахъ! въ Природѣ рай!

Жрецъ.

Правда, будь всегда началомъ
Всякой мысленной чертѣ;
Будь пылающимъ зарцаломъ
Лести, злобѣ, клеветѣ.
Твердость въ мукахъ возраждайся! —
Доблесть въ бѣдствахъ созрѣвай!
Благость благомъ увѣнчайся!
Вѣрность ввѣкъ не погибай!
Месть прощеньемъ усладися!
Руку, падшій другъ, прими!
Человѣчество проснися,
И правамъ своимъ вонми! —

Жоръ.

Слава, добрыхъ цѣль высока,
Бичь и злобы и порока,
Трудный путь намъ освѣщай,
И бесмертьемъ насъ питай!

Жрецъ.

Ты вѣщай о насъ съ вѣками
Ломоносова въ громахъ;
Съ Небомъ, съ міромъ и Царями
Рцы *Державина* въ устахъ;
Лейся сладостью, грозою
Ты Орфеевъ нашихъ съ лиръ;

Хочешь храмовъ? — предъ тобою
Вновь *Баженовъ* строитъ міръ!
Нѣжный *Рокотовъ* тамъ пишетъ
Совершенства идеалъ;
Тамо мыслитъ мѣдь и дышетъ:
Скородумовъ — духъ вліялъ! —

Хоръ.

Будь Наукъ, Искусствъ, ты Геній;
Грянь съ боиницъ въ огняхъ отмщенія,
Съ Росскимъ флотомъ міръ пройди,
Міръ добротой побѣди!

Жрецъ.

Озаряй благимъ воззрѣньемъ
И шалашъ, и храмъ златой,
Улыбайся намъ съ рожденьемъ,
И вдыхай въ насъ пламень твой.
Близь невинности гонимой,
Ты невидимо пари;
Надъ заслугою томимой
Лучь отрадной распростри;
Въ нѣдрахъ дружбы благотворной
Ты любимцовъ успѣшай;
Въ жизни, бѣдствіямъ покорной,
И въ часъ смерти укрѣпляй!

Хоръ.

Сильный, свѣтлый Геній смертныхъ,
Спусникъ доблестей нетленныхъ,
Въ самомъ образѣ смертей
Будь нашей ты душей! —

Жрецъ.

Но отколь сей духъ чудесный,
Выше смерти, рока, бѣдъ,
Присносущный, повсемѣстный
Правота, любовь, совѣтъ,
Передъ коимъ злоба таетъ,
И соблазнъ поникъ во мглѣ! —
Кто горамъ повелѣваетъ
И пучинамъ и землѣ? —
Гдѣ источникъ блага здравый,
Наша крѣпость, лѣпота? —
Кто есть сей? — кто сей Царь Славы,
Сокрушающій врата? —

Хоръ.

Богъ великій, Богъ всесильный,
Къ смертнымъ благами обильный,
Той есть Славы дивный Царь;
Вся земля Его олтарь!

Жрецъ.

Слава съ вѣчностью родилась,
Въ ней носился Божій Духъ;
Славой временность раскрылась,
Какъ цвѣтокъ прозябшій вдругъ;
Первый гласъ Творца: *да будетъ*,
Бысть!... отгрянулъ Славы кликъ. —
Слава хаосъ движетъ, будитъ,
И весь міръ. — хвалебный ликъ!

Жизни первое движенье —
Славословіе Творца;
Первое души стремленье —
Славословіе Отца.

Хоръ.

Дивенъ Богъ, Творецъ вселенной,
Силой, мудростью священной,
Дивенъ благостью даровъ!
Дивенъ славой ввѣкъ вѣковъ!

Жрецъ.

Ей цвѣтутъ, животворятся
Всѣ творенья на земли:
Горы всходятъ и дымятся,
Превращаясь въ олтари;
Какъ кадильницы Природы,
Холмы дышутъ передъ ней;
Какъ зерцала, чисты воды
Ловятъ блескъ ея лучей; —
Древній боръ въ благоговѣньи
Верхъ сѣдыхъ власовъ потрясъ;
И въ священномъ изступленьи
Многошумный издалъ гласъ.

Хоръ.

Горы, холмы и дубравы,
Возвѣстите, кто Царь Славы! —
Слава свѣтитъ въ тьмѣ пустынь,
Дышетъ въ нѣдрахъ скалъ, стремнинъ.

Жрецъ.

Въ радостномъ весны сіяньи
Міръ улыбку славы зритъ;
Лѣта въ пламенномъ дыханьи
Слава блещетъ и грѣетъ;
Въ буряхъ осени смущенной
Ниспускается она,
И съ зимою убѣленной
Льетъ на тварь утѣхи сна.
Ликъ пѣвцовъ златопернатый
Въ славѣ зритъ царицу — мать; —
Слонъ и червь, отъ глазъ изъятый: —
Носитъ все ея печать.

Хоръ.

Славьте славу тварей хоры,
Миръ стихій, стихій раздоры;
День и ночь ея красой
Обновляйте образъ свой!

Жрецъ.

Не ональ душа движенья
Въ чудной махинѣ міровъ? —
Ею бьется пульсъ творенья, —
И текутъ ряды вѣковъ! —
Въ безднахъ свѣта неизмѣнный
Вѣетъ, свѣтитъ славы духъ;
Солнца, имъ одушевленны,
Составляютъ браиской кругъ;

Въ міръ изъ міра претекаетъ
Чувство въ пламенныхъ лучахъ,
И вселенная вся таетъ
И въ любови и въ хвалахъ.

Хоръ.

Садъ созданій безконечной,
Процвѣтай любовью вѣчной!
Боже дивный твари всей,
Царствуй славою Твоей!

Жрецъ.

Каждо сердца въ насъ біенье
Славѣ Бога посвятимъ;
Наша жизнь Ему хваленье!
Смертью мы Егожъ почтимъ!
На одрѣ скорбей, болѣзни,
Въ славословіи бальзамъ!
Чрезъ покровы смерти слезны
Улыбайся вѣчность намъ! —
Цвѣтъ веселья, тернъ печали
На олтарь любви Отцу! —
Мы добро, мы зло вкушали . . . . .
Слава Вышнему Творцу!

Хоръ.

Славьте Бога всѣ языки,
Милость Вышняго Владыки
На земли и въ небесахъ,
Славься въ праведныхъ душахъ!

Жрецъ.

Ободрися жертва злобы! —
Слава смертнымъ судъ даетъ!
Сѣетъ клятвы злыхъ на гробы:
Язвой память ихъ гніетъ;
Но въ олтарь преобращаетъ
Гробъ и Минина простой;
Цвѣтъ безсмертья развиваетъ
Подъ гробовою доской. —
Жизнь возбудитъ въ прахѣ, въ тлѣньѣ,
Обезкрылитъ времена; —
Возгремитъ мірамъ: *паденье*,
И речетъ имъ: *вѣчность я*!

Хоръ.

Ободрися угнѣтенной,
Странникъ слабой, утомленной!
Тамъ Отецъ — тамъ лучшій міръ!
Внемлешь гласъ зовущихъ лиръ?

Жрецъ.

Станьте въ хоръ, друзья нелестны,
Дайте руки, въ часъ благой,
Славы въ храмъ пойдемъ небесный,
Смерть и адъ попремъ стопой! —
Насладимся нашимъ Маемъ! —
Слава насъ къ себѣ зоветъ. —
Посмотрите . . . . . свѣтлымъ раемъ
Тамъ Отечество цвѣтетъ.

Братья братьевъ обнимите. . . . . .
Мы краса его и щитъ,
Небеса благословите, —
И вселенна рай узритъ.

Хоръ.

Славься, Россъ непобѣдимый,
Славы сынъ Герой любимый,
Славься, другъ прямыхъ добротъ,
Славься Россъ изъ рода въ родъ!

Жрецъ.

О Царю Царей и троновъ!
О Господь господствъ земныхъ!
Твердь и вѣры и законовъ,
И любви и дѣлъ благихъ! —
Сниди съ высоты святыя
Въ сей, Тобой созданный храмъ,
Да подобится Россія
Безнавѣтнымъ небесамъ! —
Боже Силъ и Боже Славы,
Вертоградъ свой сохрани!
Усмири войны кровавы,
И посли намъ мирны дни! . . .

Хоръ.

Вниди, вниди въ храмъ, Царь Славы!
Да возмутся Князи славы!
Богъ единый Славы Царь!
Вся земля Ему олтарь. . . . . .

Мерзляковъ.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ ЛЕЛЯ.

На утломъ челнокѣ, любови мощный богъ,
Владыка радостей, печалей и тревогъ,
Въ погоду ясную вдоль по морю катался,
Скользя на зеркальныхъ зыбяхъ;
Спокойный океянъ тихонько колыхался,
Качая бога на волнахъ.

Вдругъ тучи багровы
Покрыли лазурь,
Удары громовы,
Предвѣстники бурь,
Вдали заревѣли. —
Надувшись валы,
Какъ лунь посѣдѣли;
Съ угрюмой скалы
Кедръ, молньей сраженный,
Вверьхъ корнемъ упалъ,
И боръ воспаленный
Въ огнѣ затрещалъ.
Волна за волною
Вертятъ челнокомъ.
Напрягшись, рукою
Лель правитъ рулёмъ.
Вдругъ руль преломился

И парусъ раздранъ,
Челнокъ погрузился,
Ужь тонетъ тиранъ. . . . .

Но пагубный хитрецъ! на замыслы богатой,
Когда, — чего не премогалъ? . . .
Онъ тулъ изъ-за спины крылатой
Поспѣшно отвязалъ;
Уже на немъ средь волнъ сей богъ безстрашно рѣетъ:
Лукъ мачтою стоитъ,
Повязка парусомъ бѣлѣетъ,
Свѣтильникъ на кормѣ горитъ;
И путь тирану освѣщаетъ,
Стрѣлами волны разсѣкаетъ,
Летитъ.
Смѣется въ торжествѣ спокойствія губитель,
И моря побѣдитель,
Ко пристани бѣжитъ.

Увы! почто, Владыка воздыханій,
Безжалостный тиранъ сердецъ,
Во мзду всѣхъ нашихъ бѣдъ, страданій,
Въ пучинѣ не обрѣлъ злодѣйствіямъ конецъ?

Ф. Ивановъ.

СВѢТЯЩІЙСЯ ЧЕРВЯКЪ и ФИЛИНЪ.

Басня.

„Блаженъ, кто неизвѣстенъ въ мірѣ,
„Въ отцовской хижинѣ своей,
„Среди смѣющихся полей,
„Живетъ въ невинности и мирѣ,
„Далече шуму городовъ,
„Въ кругу родныхъ, друзей, любезныхъ.
„Среди занятій и трудовъ,
„Равно пріятныхъ и полезныхъ,
„Текутъ его счастливы дни;
„Въ нихъ видя радости одни,
„Онъ утро каждое улыбкою встрѣчаетъ,
„И каждой вечеръ засыпаетъ,
„Съ блестящею въ очахъ слезой,
„И благодарною душой
„Къ Всещедрому Отцу вселенной.
„Тотъ прямо чувствуетъ всю цѣну жизни сей,
„И въ самой старости своей
„Любовью, дружбою, вниманьемъ окруженной
„Своихъ почтительныхъ сыновъ,
„Онъ отрясаетъ снѣгъ съ сѣдыхъ власовъ,
„И въ милыхъ внукахъ оживая,
„Безстрашно ждетъ того часа,

„Который путь ему отверзетъ въ небеса.
„Когдажъ придетъ его минута роковая,
„Спокоенъ совѣстью, съ улыбкой на устахъ,
„Съ весельемъ на челѣ, съ надеждою въ очахъ,
„Онъ мирно, кротко засыпаетъ,
„Подобно, какъ въ день Майской погасаетъ,
„Въ кристалѣ Волжскихъ водъ горя,
„Прелестна вечера заря.

Такъ мыслилъ я, склонясь, подъ липою вѣтвистой,
Лющей свой бальзамъ душистой
Въ саду моемъ;
А между тѣмъ
Природа облеклась покровами нощными:
Слились предметы всѣ одни съ другими,
И всюду распростерся мракъ. —
Одинъ Свѣтящійся Червякъ,
Таясь между цвѣтами,
Какъ звѣздочка мелькалъ,
И изумрудными лучами
Мой взоръ прельщалъ.
Я, глядя на него, молчалъ и наслаждался,
И втайнѣ сердца моего
Съ благоговѣніемъ предъ Трономъ повергался
Премудраго Зиждителя всего.
Вдругъ воздухъ зашумѣлъ отъ птичьяго полета,
И ненавистникъ свѣта,
Любитель темноты нощной,
Разбойникъ птичій, Филинъ злой,

Изъ ближня кладьбища на промыслъ свой ле-
тящій;
Увидя свѣтъ, во тмѣ блестящій,
И не терпя его;
На мягкую траву спустился;
Напалъ на Червячка прекрасна моего,
И лапой такъ хватилъ, что свѣтъ его затмился.
Помилуй, сжалься надо мной!
Что сдѣлалъ я, чѣмъ виновенъ предъ тобой?
Пищалъ въ когтяхъ Червякъ несчастной.
Молчи; тебѣ спасенья нѣтъ;
— Былъ Филиновъ отвѣтъ —
Ты свѣтишь напрасно:
Когдабъ ты не блисталъ
Ночной порою,
Тебя бы право не видалъ
И не былъ бы ты скушанъ мною;
Пѣняй же самъ себѣ, что такъ приметенъ
былъ.
Сказалъ, и проглотилъ.

Нравоученіе сей басни очень ясно:
Во всякомъ случаѣ замѣтнымъ быть опасно.

Д. Вельяшевъ В...в

СОЛНЕЧНЫЯ ЧАСЫ.

Басня.

Что папинька? хочу я васъ спросить.... —
О чемъ, мой другъ? какъ бабочекъ ловить? —
Ахъ, миленькой! ну стануль я бездѣлкой
Такою вамъ скучать!
Вчера я въ садъ ходилъ, чтобъ маминькѣ набрать
Цвѣтовъ; а между тѣмъ и порѣзвиться съ бѣлкой;
Вдругъ вижу столбикъ тамъ, аршинъ поменьше двухъ,
Съ дощечкой на верьху, а на дощечкѣ кругъ,
Походитъ на часы: весь въ числахъ и со стрѣлкой;
Что это? — Солнечны часы, мой другъ!
Скажитежъ, папинька любезный!
Къ чему они? — къ тому, чтобы во дни
Знать время съ точностью. — По этому они
Полезны?

Да, ежели блистаетъ солнца свѣтъ. —
А если пасмурно? — Такъ въ нихъ и пользы нѣтъ. —
Къ чемужъ они пригодны? —

Хотитель знать, что значитъ баснь сія?
Съ часами солнечными сходны
Всѣ нынѣшни друзья.

Д. Вельяшевъ-В....

ОДА

ЧЕЛОВѢКЪ.

Играй, играй, дитя прелестно,
Вкушай веселье безпримѣсно,
Укрась цвѣтами дни свои!
О радость нѣжныя семьи!
Къ тебѣ всѣхъ мысли, всѣхъ желанья;
Средь игръ, забавъ, средь ликованья,
Тебѣ всякъ — другъ, тебѣ всякъ — братъ:
Играй, дитя! — утѣхи міра,
Богатство, знатность, ни порфира
Не стоятъ карточныхъ палатъ,

Играй, играй дитя! — ахъ! вскорѣ
Узнаешь трудъ, узнаешь горе; —
Роднаго мало языка; —
Иноплеменничья рука
Уже возносится съ грозою:
За кучу золота лозою
Изторгнетъ слезъ твоихъ потокъ,
Не рѣдко навѣкъ изувѣча; —
Увы! лоза сія предтеча
Тѣхъ бѣдъ, что намъ готовитъ рокъ!

И вотъ! — отличный станомъ стройнымъ,
Герой, какъ кедръ подъ небомъ знойнымъ,
Подъ строгой длaнью ты возросъ;
Ланиты — смѣсь лилей и розъ . . . .
Цвѣти, Природы совершенство!
Изъ чаши жизни пей блаженство,
Твой вѣкъ счастливой наступилъ. —
Но что за оборотъ чудесный!
Что сталося съ тобой, прелестный?
Не ядъ ли смертный ты испилъ?

О жалость! скорбное явленье!
Какое чувствъ, ума волненье!
Гдѣ юноши цвѣтущій видъ?
Страдаетъ въ день, въ нощи не спитъ,
Слезящій взоръ, ланиты рдѣютъ;
Но розы на устахъ блѣднѣютъ;
По жиламъ льется огнь, не кровь:
Что сталось, юноша, съ тобою?
Какою ты сраженъ судьбою? . . . .
Увы! — жестокая любовь!

Въ комъ видѣлъ образъ совершенства,
Въ чьемъ взорѣ всѣ включалъ блаженства,
Сей взоръ, орудіе измѣнъ,
Повергъ страдальца въ люшый плѣнъ. —
Душа ко благамъ свѣта мертва;
Тоски, отчаянія жертва,

Несется бурею страстей,
Какъ судно въ морѣ безъ кормила; —
Увы! примѣровъ вредныхъ сила,
Опаснѣй вѣтровъ и зыбей!

◆

Рожденный съ сердцемъ пылкимъ, нѣжнымъ,
Подъ кровомъ дружбы безмятежнымъ
Спѣшитъ искать себѣ отрадъ;
Уже толпа разврата чадъ
Сулитъ ему блаженства новы;
Емуль не вѣрить имъ? — готовы
Все въ жертву дружеству принесть.
Въ бесѣдѣ ихъ игра, забавы:
Ахъ! тамъ ли умыслы лукавы,
Гдѣ каждый ставитъ богомъ честь?

◆

И чести именемъ священнымъ,
Во слѣдъ забавамъ развращеннымъ
Слѣпаго юношу влекутъ.
Увы! въ чемъ дни его текутъ?
Въ гнуснѣйшей роскоши, въ развратѣ,
Въ позорной лѣтъ безцѣнныхъ тратѣ;
И что жъ потомъ? — Лишенъ всего,
Душевна здравья и тѣлесна,
Отцовъ наслѣдья, имя чеснна,
Хулитъ въ неистовствѣ. . . . . кого! . . . .

◆

О страхъ! несчастный выше мѣры!
Уже ты чуждъ и самой Вѣры;
Ужь адъ въ тебѣ добычу зритъ,
Пылаетъ пламень, цѣпь звучитъ. . . . .
Еще есть время, безрасудный!
Приди въ себя, стремись, сынъ блудный!
Въ объятья нѣжнаго Отца,
Надѣйся; вѣрь, и жди прощенья! . . . .
Творецъ! се слезы умиленья
Текутъ со грѣшничья лица!

О время юности несчастно!
Все льститъ, что вредно и опасно,
Все льститъ, чтобъ послѣ погубить!
Разсудка нѣтъ — комужъ хранить?
Лишь чувствовать себя мы станемъ,
Едва на прелесть міра взглянемъ,
Повсюду ковъ, повсюду сѣть!
О сладострастія забавы!
Въ цвѣтахъ сокрытыя отравы,
Вы рай, вы адъ, вы жизнь, вы смерть!

Промчались лѣта дни палящи,
Престали молніи гремящи,
Пришли осенни дни прохладъ,
Спокойства, зрѣлости, отрадъ;
И се! — какъ древо плодовито,
Цвѣтами, листвіемъ покрыто,

Ты паки свѣжъ, ты паки бодръ,
Ты счастливъ... Нѣтъ! мечта, призраки;
Напрасно сны вкругъ сыплютъ маки
На твой заботъ, печалей, одръ.

Уже подъ сѣнью тихой ночи
Смыкаетъ сонъ живущихъ очи;
Но ты не спишь; — едва заснулъ,
Зари предвѣстникъ лучь блеснулъ:
Ты всталъ, — зовутъ труды, работы;
То жертва страха, то заботы,
То честолюбьемъ обуянъ,
То сребролюбія въ угоду,
Забывъ опасность, непогоду,
Летишь чрезъ бурный океанъ.

Летишь надеждой восхищенный,
И водъ спокойствомъ обольщенный; —
Внезапу свѣтлый солнца лучь
Затмился сонмомъ черныхъ тучь:
Ревутъ перуны, вѣтры воютъ,
Рвутъ парусы, пучину роютъ,
Повсюду блѣдна смерть въ глазахъ!
Тамъ молньи вержутъ грозный пламень,
А тамъ... а тамъ... подводный камень....
И гдѣ корабль? — погибъ въ волнахъ!

О, счастливъ, счастливъ бы стократно,
Когда бы съ златомъ невозвратно
Погрязъ, несчастный, водъ на дно!
Что смерть? — мгновеніе одно. —
Чудесно гибели избавленъ,
Чудесно въ пристани поставленъ,
За чѣмъ? — чтобъ иго бѣдствій несть! —
Оставя суетны надежды,
Сномъ сладкимъ не смыкая вѣжды,
Спѣшитъ домой .... и перва вѣсть:

❁

Прелестна, милая супруга,
Въ тоскѣ, ставъ жертвою недуга,
Скончала горестные дни,
А съ ней ... страдалецъ, отдохни!
Сбери дущи послѣдни силы:
Твой первенецъ, младенецъ милый,
Прелестный ангелъ въ пеленахъ,
Твоя надежда и отрада,
Погибъ въ страданьяхъ лютыхъ глада
На хладныхъ матери грудяхъ!

❁

О, гдѣ ты смерть, гдѣ ты коснѣешь?
Разить счастливаго успѣешь;
Приди, приди, несчастныхъ другъ!
Внемли! зоветъ отецъ, супругъ,
Чей каждый вздохъ, есть вѣкъ страданій!
Увы! не слышитъ призываній,

И все отъявши, жить вслитъ;
Дышать для мукъ велитъ насильно,
Доколь тоска, какъ червь могильной,
По малу сердце изсушитъ!

◆

Вотъ жизнь, вотъ смертныхъ бѣдна доля!
Но всель? — Иныхъ тягчитъ неволя,
Иныхъ болѣзни, нищета;
А тамъ, крамольна клевета
Разитъ невинность, добродѣтель;
Не рѣдко смертныхъ благодѣтель
На плахѣ кончитъ славный вѣкъ;
Тамъ Крезъ — у оконъ хлѣба проситъ;
Тамъ Царь — оковы рабски носитъ!....
О Боже! — что есть человѣкъ?...

◆

Но кто склоненъ къ землѣ главою,
Дрожащей движется стопою?
Чело — какъ зимней ночи мракъ;
Какъ свѣтъ луны въ туманѣ — зракъ;
Власы — древесъ вершина снѣжна! —
То старость дряхла, безнадежна:
И се! простерши долу персть,
Намъ призракъ кажетъ ровъ изрытый!
Окрестъ — холмы, пескомъ покрыты!
Се бѣдъ конецъ! се гробъ отверстъ!

◆

Се бѣдъ конецъ! — почій несчастный!...
Но смертный одръ, покой ужасный,
Безмолвныя могилы хладъ,
Безвѣстность, злѣйшая сократъ,
Наградой будутъ ли за бѣдства,
Что смертный въ жизни сей онъ дѣйства
Терпѣлъ, доколѣ изнемогъ?
Иль часть моя, шлѣнъ былной тростн?...
Но се рекутъ моя вся кости:
Жива душа твоя, живъ Богъ!

Къ Тебѣ, благій Творецъ вселенны!
Единый, вѣчный, непремѣнный,
Всесильный, присносущный Царь,
Къ Тебѣ взываетъ бренна тварь!
Твое не мимо идетъ слово;
Смерть — путь къ Тебѣ въ селенье ново....
Се Твой чертогъ! пресвѣтлый тронъ!
Предъ нимъ преклонная колѣно
Судьба читаетъ неизмѣнной
Въ священной книгѣ Твой законъ.

Зоветъ Твой гласъ — и прошлы вѣки,
Что зрѣли первы человѣки,
И впредь вѣковъ грядущихъ рядъ,
Тебѣ послушны предстоятъ.
Они Тобою, Боже! зримы,
Какъ вѣтромъ ладіи носимы

Временъ пучины по волнамъ;
Въ оливахъ тамъ иные зрятся,
Другіе кровію дымятся
По недовѣдомымъ судьбамъ!

●

Твой взоръ вселенную объемлетъ,
Твой слухъ и помышленья внемлетъ:
Отецъ! Ты любишь насъ, какъ чадъ!
Въ Твоей обители отрадъ
Нѣтъ скорбныхъ слезъ, не слышны стоны;
Безвѣстны смерти тамъ законы,
Нѣтъ счастію, радостямъ конца;
Пусть въ страхѣ казни ждетъ злодѣйство;
А добрыхъ мирное семейство
Тамъ ждетъ объятія Отца!

Ф. Кокошкинъ.

КЪ П. И. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ.

При полученіи перевода его Греевой оды, называемой: Весна, 1794 года Декабря 13.

Твоя Весна, любезный другъ,
Безсмертну Грею подражая,
Средь льдовъ, зимы, въ пріятный кругъ
Зефировъ къ соловьямъ взывая,
На Невскихъ берегахъ родитъ
Климатъ Италіи блаженной,
Гдѣ мысль Піитова летитъ
На крыльяхъ Музы возсхищенной; —
Богатствъ Природа гдѣ сама,
Соборъ, являя благодатный,
Рукой, сопутницей ума,
Даетъ стихіямъ видъ пріятный; —
Гдѣ Фидій мраморъ оживлялъ,
Въ боговъ гдѣ камни превращались,
Гдѣ холстъ Рафаиломъ дышалъ,
Какъ огнь, душа въ него вселялись; —
Гдѣ самая Венера та,
Что Грея съ Музами взростила,
Пафоса древня красота,
Въ Тосканѣ храмъ свой учредила:

Легко перу въ такихъ странахъ,
Съ крыла Купиды похищенну,
Рукою Грея на струнахъ
Извлечь изъ лиры пѣснь священну;
Легко среди прелестныхъ дней
Веснѣ сплетать похвальны слоги!...
Ахъ! — мы слыхали лишь о ней,
А видѣть — не велѣли боги!
Зимыжъ Кавказскій льдистый тронъ
Описанъ въ Пѣсняхъ Россіяды.
У насъ не лирный слышанъ звонъ,
Но громъ побѣдъ и дѣлъ Паллады.
Борей ревetъ и воетъ вѣтръ,
Левъ Скандинавскій удалился
Отъ мѣстъ, гдѣ градъ воздвигнулъ ПЕТРЪ,
Орелъ двуглавый воцарился.
Хоть рѣдко вѣетъ намъ Зефиръ,
Хоть мы снѣгами, льдомъ покрыты,
Родились и у насъ Піиты,
Которыхъ помнить будетъ міръ:
У насъ безсмертный Ломоносовъ,
Херасковъ, Сѣверный Гомеръ,
Державинъ, къ вѣчной славѣ Россовъ,
Какъ новый бардъ, полетъ простеръ;
Они всѣ съ Пиндаромъ сравнялись,
Весь огнь его въ себѣ нашли,
Парнаса лаврами вѣнчались,
И въ храмъ безсмертія вошли!
Но мы, отъ Пинда удаленны,

Съ тобою сидя на травѣ,
Оставя лавры имъ священны,
Рѣзвишься будемъ въ муравѣ,
И бабочекъ ловя со Греемъ,
Подъ дубомъ станемъ мы сидѣть;
Едваль свирѣлью мы успѣемъ
Мужей безсмертныхъ славу пѣть! . . . .

Графъ Аполлосъ Мусинъ-Пушкинъ.

РОГДАЙ.

Баллада.

На скалѣ уединенной,
Тихимъ свѣтомъ осребренной,
Сердцемила вдаль морей
Томный взоръ свой простираетъ: —
Друга сердцу ожидаетъ,
Друга младости своей.
Море шумно колыхалось,
Небо тучей покрывалось,
Рѣетъ молнія браздой;
Сердцемилы взоры мертвы,
Сквозь туманы распростерты,
Понеслися за волной.
Вотъ вдали при тучахъ бурныхъ,
Мнится, — челнъ въ зыбяхъ лазурныхъ
Мчался къ синимъ берегамъ.
„Гдѣ ты медлишь? другъ мой милый!
„Гдѣ спѣшишь къ роднымъ странамъ?
Стонетъ голосъ Сердцемилы. —
„О, скорѣй, скорѣй спѣши!
„О, немедли, другъ любезный,
„И мои потоки слезны
„Ты любовью осуши!“
Гдѣ же челнъ? — мечта сокрылась —
Вмѣсто челна тучи мгла
Въ небѣ грозная клубилась,
Бурю въ нѣдрахъ принесла,

Рокотъ грома надъ скалою!
Ночь всѣ ужасы ведетъ,
Блѣдной, быстрою рѣкою
Мраки молнія сечетъ.
Черна хлябь волною хлещетъ:
Все въ смятеньи, все трепещетъ!
Съ возмущенною душой
Сердцемила въ долъ нисходитъ,
Путь излучистой находитъ
Ко обители святой.
Тамъ лампада озарила
Ей отшельцевъ томной ликъ;
Тамо скорбь вездѣ уныла;
Взоръ отшельцевъ тускълъ и дикъ.
Сердцемила упадаетъ
Предъ Распятіемъ святымъ,
И моляся передъ нимъ,
Грудь слезами облегчаетъ. —
Окончавъ обѣтъ благой,
Робко въ хижину смиренну,
Грусть приноситъ растворенну
Съ кроткой Вѣрою, святой!
Такъ все время протекаетъ,
День за днями улетаетъ;
Такъ и годы пролетятъ,
А Рогдая не видать.
Сердцемила съ утромъ раннимъ
До полунощи глухой
Ждетъ Рогдая надъ скалой: —
День склонялся къ безднамъ дальнимъ,

Возвѣститъ покоя часъ,
Ночь возвыситъ грозный гласъ; —
И страдалица вздыхая,
Преклонивъ свой томный взглядъ,
Возвращается назадъ. —
О любви разлука злая! . . .
Такъ весна уже прошла!
Такъ и лѣто пролетѣло!
Время въ сумракъ все одѣло; —
И молва вдругъ притекла,
Что Рогдай, другою плѣнной,
Сердцемилъ измѣнилъ —
Бракомъ клятву преступилъ. —
Чтожъ съ невѣстой изумленной?
Нѣтъ ни чувства, нѣтъ ни слезъ; —
Вопль въ груди ея исчезъ!
„Измѣнилъ мнѣ? О невѣрной!
Сердцемила говоритъ;
„Море, море неизмѣрно
„Насъ на вѣки разлучитъ.
„Пусть моя любовь презрѣнна;
„Все я стану обожать:
„Страсть въ груди моей возженна
„Будетъ съ жизнью угасать.“
Сердцемила увядая, —
Ужь не плача, не стеная, —
Къ гробу медленно идетъ. —
Рано цвѣтъ весны падетъ!
А Рогдай изъ странъ далёкихъ,
Къ ней любовію горя,

Плылъ чрезъ бурныя моря;
Видитъ лѣсъ береговъ высокихъ,
Видитъ городъ свой родной;
Вотъ ужь въ пристань приплываетъ;
Радость въ сердцѣ ощущаетъ —
И живетъ одной мечтой.
Вотъ ужь онъ въ ночи, унылый,
Близь жилища Сердцемилы,
Среди ужасовъ однихъ;
Онъ вступаетъ въ домъ печальный,
Отголосокъ въ мракѣ дальный
Вторитъ крики птицъ ночныхъ.
Тщетно, онъ кругомъ блуждаетъ —
Сердцемилу призываетъ:
Гулъ одинъ — ему отвѣтъ!
Гулъ несется — милой нѣтъ!
Онъ въ отчаяньи выходитъ,
Въ мракѣ дебрей дикихъ бродитъ,
Все вокругъ него мертво! ....
Вдругъ, при молніи блестящей,
Видитъ камень онъ лежащій, —
Стонъ несется изъ него:
Сердце вѣще упредило —
Вдругъ забилось, вдругъ запыло,
Голосъ замеръ на устахъ;
Онъ на камень упадаетъ,
И при молніи читаетъ:
Сердцемилы скрытъ здѣсь прахъ!

Сергей Сапаревъ.

ОДА

КЪ ДРУЖБѢ.

Nihil tamen æque oblectaverit animum, quam amicitia fidelis. Книг. I. Сенека о спокойств.

О ты, чьи кроткіе уставы
Блаженство зиждутъ нашихъ дней,
Межь смертными равняютъ правы,
И братьями творятъ людей!
Астреина богиня вѣка,
Ты съ человѣкомъ человѣка
Чудесной цѣпію связавъ,
Сердца и мысли ихъ сливаешь,
Судьбу съ судьбою сопрягаешь,
И съ нравомъ соглашаешь нравъ.

Коль бѣдства, жизненны тираны,
Дни мрачные приносятъ намъ,
О Дружба! ты въ сердечны раны
Цѣлительный свой льешь бальзамъ;
И нѣкой силой благотворной
Сраженный горестью упорной

Животворишь, питаешь духъ. —
Такъ, — въ дни печали и смущенья
Потребны сердцу утѣшенья,
А къ утѣшенью — нуженъ другъ!

Поставленный на сцену свѣта,
Лишенъ сей юноша подпоръ;
Онъ ищетъ помощи, совѣта:
Но чей къ нему прострется взоръ? —
Какъ вихрями пространикъ нагбенной,
Подавленный толпой надмѣнной
Зритъ горесть онъ себя вокругъ;
Но помощь сирому готова: —
Находитъ друга онъ отцова,
И сей ему быть хочетъ другъ.

Какъ бурну, грозную стихію
Разумный кормчій одолѣлъ,
Илм, какъ юнаго Товію
Небесный древле Спутникъ велъ,
Иль, какъ наслѣднику Иоаки,
Безсмертія оставя знаки,
Сопутствовалъ Минервинъ Духъ:
Такъ юношѣ, хранитель — Геній,
Средь трудныхъ жизни приключеній,
Есть сей отцовъ почтенный другъ.

На связь надѣяся священну,
Спокойнѣй мы встрѣчаемъ смерть. —
Къ семейству, помощи лишенну,
Готова дружба ту простерть:
Тутъ сердце истиннаго друга
Отца, и брата, и супруга,
Сколь можно, въ бѣдствѣ замѣнитъ. —
Такъ мирно жизнь свою кончаетъ,
Когда друзьямъ препоручаетъ
И дщерь и матерь — Евдамидъ.

Судьба внезапно поражаетъ; —
Нещастливъ, въ плѣнъ я заключенъ;
Но другъ на помощь поспѣшаетъ,
Приспѣлъ — и жребіи мой смягченъ. —
Предъ тронъ тирана Сиракузы,
Чтобъ дружнія разторгнуть узы,
Безстрашно предстаетъ Дамонъ.
Строптивый царь изрекъ пощаду;
И межь друзей, за то въ награду,
Быть третьимъ другомъ хощетъ онъ.

Въ рукѣ безтрепетной, суровой
Какой сверкаетъ острый мечь! —
Се жрецъ стоитъ уже готовой,
Чтобъ дни нещастнаго пресѣчь. —

Кто будетъ жертвой? — другъ Пилада; —
— Орестъ, велѣнію Θоада
Покорствуя, на смерть спѣшитъ;
Послѣдній дружбѣ вздохъ приноситъ —
И жрецъ орудіе возноситъ,
Да месть боговъ надъ нимъ свершитъ!

❁

Вознесъ — но мечъ остановился;
Внезапнымъ чудомъ покоренъ;
Другой Орестъ на казнь явился:
Да будетъ другъ имъ замѣненъ!
О диво связи безпримѣрной! —
Алтарь злой смерти посвященной,
Преобразился Дружбы въ храмъ.
Друзьямъ даръ жизни возвращаютъ,
И вмѣсто казни — воскуряютъ
Драгому чувству θиміямъ.

❁

Герой, — котораго великимъ
Зоветъ, и превозноситъ свѣтъ, —
Когда къ странамъ и къ людямъ дикимъ
Носилъ ты громъ твоихъ побѣдъ,
Различны покорялъ народы,
И гордыя Евфратски воды
Себѣ подъ власть порабощалъ: —
Отъ блеска ты побѣдъ и трона
Сходилъ въ чертогъ Ефесіона,
Гдѣ другъ лишь друга посѣщалъ.

❁

Такъ смертныхъ ты соединяешь,
Священа Дружба, межь собой,
Монарха съ подданнымъ равняешь
И споришь, кажется, съ судьбой;
Дары твои изящны, прочны;
Не могутъ лишь сердца порочны
Всю цѣну знать твоихъ отрадъ.
Злодѣю ненавидѣть сродно, —
А тотъ — въ комъ чуство благородно,
Среди твоихъ пребудетъ чадъ.

Графъ Григорій Салтыковъ.

СВЯТОСЛАВЪ.

Ударилъ вѣтръ, — и гонитъ тучи; —
Реветъ уныло лѣсъ дремучій;
Повсюду скрыпъ и трескъ глухой!
Свирѣпа Ноцъ подъ небесами,
Шумя ужасными крылами,
Угрюмый кажетъ образъ свой!
Браздами молніи сверкали,
И громы грозны на горахъ
Ударъ ударомъ прерывали: —
Вскипѣлъ Днѣпръ въ каменныхъ брегахъ;
Раздался стонъ валовъ шумящихъ,
И блѣдна Тѣнь на вышинѣ,
Средь Ужасовъ ей предстоящихъ,
Явилась въ грозной тишинѣ!
Ея взоръ дикой и смущенной
Негодованья полнъ, горитъ! —
Въ брони стальной, окровавленной; —
Въ рукахъ — туманный мечь и щитъ! — —
Я познаю въ ней Святослава.....
Ахъ! тотъ ли сей Перуна сынъ,
Котораго гремѣла слава
Во всѣхъ странахъ? — чей взоръ одинъ
Враги побѣгомъ упреждали? —

Онъ мракомъ скорби осѣненъ!
И мнитъ, предъ коимъ царства пали,
Въ одежду гроба облеченъ; —
Въ жилищахъ нощи онъ витаетъ!
Но, се! мелькнулъ сквозь тучи свѣтъ,
И буря шумная смолкаетъ, —
И тѣни грозной болѣ нѣтъ!

О свѣтъ! обитель перемѣны,
Обитель щастія и золъ!
Что смертный, славой вознесенный? —
Сего дня тверды его престолъ,
Но день протекъ — тріумфы пали,
И лавры гордые увяли:
На мѣсто трона — гробъ стоитъ! —
Гдѣ Александры? гдѣ Помпеи?
Всѣ гордыхъ замысловъ защѣи
Скрываетъ мрачной смерти видъ! —
Гдѣ ты, о Вождь непобѣдимый,
О Святославъ! — Россіи сынъ? —
Давнодь побѣдой предводимый,
Великій Норда исполинъ,
Народовъ правилъ ты судьбою! . . . .
Еще я, мнится, зрю его,
Готоваго къ свирѣпу бою
Предъ взоромъ воинства всего.
Стоитъ — главою возвышенный,
Алкаюцъ битвы и побѣдъ;
Предъ нимъ Духъ брани воспаленный,
Герою къ славѣ кажетъ слѣдъ!

Куда ни броситъ взоръ свирѣпый,
Тамъ жизнь блѣднѣетъ, — смерть разитъ.
Разторглись вражески заклепы,
И гордый врагъ уже дрожитъ!
Гдѣ рати силой ополченны,
Препонъ ужаснѣйшихъ соборъ? —
Единой дланью разточенны! —
Враговъ сразилъ единый взоръ!

Свершилась битва знаменита,
И кроткій миръ за ней летитъ;
Но Месть, подъ видомъ дружбы скрыта,
Герою смертію грозитъ:
Злыхъ Печенѣговъ повелитель,
Постыдной зависти служитель,
Надмѣнный Куресъ, врагъ боговъ,
Съ оливой дружбы шлетъословъ;
Зоветъ Вождя на пированье,
Чтобъ миръ святой торжествовать,
Раздорамъ, распрямъ окончанье,
Покой народамъ даровать!
Герой Россійскій съ увѣреньемъ,
Съ дружиной малою летитъ;
Обманутъ лести предложеньемъ —
Онъ кова скрытаго не зритъ. — — —
Остановися Вождь нещастной!
Воззри на небо: тамъ межь тучь
Вѣется вранъ — предвѣстникъ мрачной,
Блеститъ кровавый брани лучь!....
На крыльяхъ славы устремляясь,

Уже ты страшныхъ мѣстъ достигъ,
Гдѣ врагъ въ засадахъ сокрываясь,
Какъ молнья, вдругъ тебя постигъ!
Ты длани дружбы простираешь. . . . .
Но въ длани злобнаго врага
Ты мечь убійственный встрѣчаешь!..
Отъ взоровъ удалилась тьма —
Но поздно зришь ты ковъ ужасный —
Ты окруженъ враговъ толпой!
Всѣ силы храбрости напрасны!
„Умремъ! умремъ! — гласитъ Герой!
„Умремъ!“ — и ярый гнѣвъ пылаетъ,
Кипитъ отваги огнь въ сердцахъ!
Герой мечь страшной потрясаетъ —
Брань скрылась въ пыльныхъ облакахъ!...
Какъ вихрь несется воспаленной, —
Вокругъ поля и веси жжетъ;
Какъ море, бурей разъяренно,
Корабль съ жестокостью влечетъ,
И въ бездну съ силой поглощаетъ: —
Такъ здѣсь отчаянной Герой
Препоны въ прахъ преобращаетъ,
Льетъ всюду страхъ и смерть рѣкой!
Уже кровь черная струится,
Уже багрѣетъ неба сводъ;
И гулъ по берегамъ вторится
При ропотѣ шумящихъ водъ!
Еще мечи во тьмѣ взвилися — — —
И тотъ, предъ коимъ на поляхъ

Полки смертей вездѣ неслися —
Упалъ! упалъ противныхъ страхъ! . . .

Такъ дубъ, вѣнчанный облаками,
Надмѣнно бури презиралъ;
Питаясь многими вѣками,
Главу до неба возвышалъ . . . .
Но вдругъ, грозою пораженный
Со крутизны стремглавъ летитъ,
И съ страшнымъ трескомъ раздробленный,
Онъ гуломъ путника страшитъ!
Онъ палъ! побѣды лучь затмился!
Все смолкло въ дикихъ берегахъ! —
Кто выше смертныхъ возносился,
Лежитъ поверженный во прахъ! —
Лишь Слава по брегамъ блуждая,
Склонясь, уныло слезы льетъ;
Героя лирой пробуждая,
Во храмъ безсмертія ведетъ!

Во мракѣ ночи возмущенной,
Когда сѣдой клокочетъ Днѣпръ,
И стонетъ во брегахъ, смятенной,
И дико воетъ буйный вѣтръ — —
Героя тѣнь во тьмѣ блуждаетъ,
Окровавленна по холмамъ;
Изъ мрака гласъ свой возвышаетъ —
И гласъ несется по брегамъ:
„Вы, честолюбьемъ воскриленны!
„Для коихъ щитъ, и лукъ, и мечъ

„Являютъ блага совершенны!
„Вы грозные на полѣ сѣчь —
„Страшитесь смерти невидимой!
„Она близка! — и ловитъ васъ!
„Безвѣстенъ рокъ непримиримый —
„Безвѣстенъ гибели намъ часъ!“
Умолкла тѣнь — и стонъ раздался,
Несется глухо въ высотѣ;
И вдругъ свѣтъ блѣдный показался,
Луна явилась въ красотѣ —
И тѣнь унылая блѣднѣетъ,
И се, какъ легкій, бѣлый дымъ,
На холмѣ утреннемъ рѣдѣетъ —
И вдругъ слилась съ лучемъ златымъ.

Быть можетъ, камень сей унылой,
Заросшій мохомъ при брегахъ,
Безвѣстной, тихой былъ могилой,
Вмѣщающей Героя прахъ!
И селянинъ уединенной
Взойдетъ на мшистый камень сей,
При брегѣ въ землю углубленной,
Съ вечерней бѣтовать зарей!
Взойдетъ на камень сей, не зная,
Чей хладный прахъ подъ нимъ сокрытъ! —
Но время царства сокрушая,
Героевъ славы не сразитъ! . . .

Сергей Саларевъ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ

Къ Римлянамъ. Кн. III. Од. 6.

Забыты жертвоприношенья
И храмы праведныхъ боговъ,
И ихъ священны изваянья
Въ презрѣніи, въ пыли, въ дыму: —
О Римляне, владыки міра!
Отцовъ послѣдуя примѣру (*)
За нихъ вы понесете казнь!

❁

Къ богамъ покорность — ваша сила;
Они податели всѣхъ благъ:
Къ богамъ презрѣнье — ваша гибель.
Примѣръ — Гесперія; надъ ней
Гремятъ карающи перуны!

❁

О стыдъ, о Римлянъ посрамленье!
Вождя Парѳянъ Монезъ, Пакоръ, (**)
Разсыпавъ наши легіоны

(*) Горацій укоряетъ ихъ въ неуваженіи къ богамъ.

(**) Сыновья Парѳянскаго Царя Орода. Нѣкоторые думаютъ, что одинъ Пакоръ былъ царской сынъ, а Монезъ только полководецъ.

Не бодренные жрецомъ,
Украсились трофеемъ новымъ. (*)

❦

На Римъ, раздоромъ обуявый,
Зіяетъ гибель, близокъ врагъ:
Тамъ Скивъ съ крылатыми стрѣлами,
А здѣсь со флотомъ (**) Евіопъ,
И силою и взоромъ страшный!

❦

Се нашъ позоръ, се плодъ разврата!
Порокъ возлегъ на брачно ложе, —
И язва нравовъ разлилась
Всеувлекающей рѣкой
Въ семѣйства, въ домы, въ грады, въ селы!

❦

Не скромной Іонійской (***) пляской
Младыя дѣвы веселятся;
Едва раскрылся дѣтства цвѣтъ,
Уже сей язвой зараженны
Постыдной страстію горятъ!

❦

(*) Пораженіе Красса и потомъ Лабіена унизило гордыхъ Римлянъ, до того времени непобѣдимыхъ.

(**) Сорокъ кораблей, снаряженныхъ Клеопатрою противъ Ю. Цесаря.

(***) Іоняне болѣе прочихъ народовъ преданы когда были роскоши и сладострастію.

Не сихъ, не сихъ отцовъ сыны
Багрили море кровью Пуновъ; (*)
И Пирръ и мощный Антіохъ (**)
И Ганнибалъ непобѣдимый —
Не сими пораженны пали! —

❁

То были — отрасль храбрыхъ воевъ,
Простой природы сильныхъ чадъ,
Искусные Сабельскимъ плугомъ
На полѣ проводить бразды,
И — строгой Матери покорны, —

❁

Поспѣшно вѣтви къ ней носящи,
Какъ длинна тѣнь ложилась съ горъ,
И отъ ярма освобожденны
Шли медленнымъ и мѣрнымъ шагомъ
Подъ кровъ усталые волы.

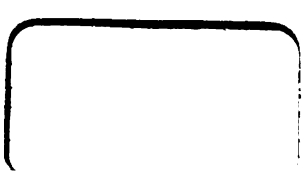
❁

Гдѣ доблести, гдѣ слава Римлянъ?
Златаго вѣка тѣнь одна!
Отцы не жили такъ, какъ дѣды;
А мы развратнѣе отцовъ;
Увы! чтожъ будетъ наше племя!!

(*) Жители сѣверной Африки, отъ коихъ названія войнъ Пуническихъ.

(**) Пирръ, Царь Епирскій, побѣжденъ Куріемъ и Фабриціемъ; Антіохъ Сирійскій Л. Сципіономъ.

И. Г. — Левковичъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129